

Арарат

Автор:

Кристофер Голден

Арарат

Кристофер Голден

Бен Уокер #1 Дети Лавкрафта Хоррор. Черная библиотека

После землетрясения на легендарной горе Арарат открывается пещера, к которой сразу устремляются исследователи в надежде найти библейский ковчег. Цели у каждого свои: Мериам и Адам хотят прославиться, тайный агент Уокер ищет оружие для правительства, священник Корнелиус – доказательства истинности Библии, другие – просто причастности к громкому проекту. Но то, что ждет их в пещере, превзойдет самые смелые ожидания, проникнет в душу, запятнает ее. Это и есть доказательство существования дьявола.

Кристофер Голден

Арарат

Christopher Golden

ARARAT

Copyright © 2017 by Christopher Golden

Серия «Хоррор. Черная библиотека»

Разработка серийного оформления Сергея Власова

Иллюстрация на переплете художника Валерия Петелина

© Сороченко М., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Это не первая книга, которую я посвятил своей жене Конни Голден, и не последняя.

«ЧТО ТЕБЕ НУЖНО, ЛУНА? ПРОСТО СКАЖИ»

Все, кого я любил, сломались.

Фолк-группа

«OVER THE RHINE»

1

В последний день ноября около восьми часов утра гору затрясло.

Фейиз замер, перестав дышать, выбросил руки в стороны для равновесия и стал ждать окончания землетрясения. Но оно только усиливалось. Его клиенты кричали что-то по-немецки – на языке, которого он не знал. Одного из мужчин охватила паника. Он стал орать остальным, что из сердца горы прорывается сам дьявол и скоро он заберет их души. Они находились на самой вершине, яркое голубое небо распростерлось во все стороны, холодный воздух был чист и свеж. Это утро на горе Арарат можно было бы назвать идеальным, если бы мир вокруг них не начал разламываться на части.

– Лежать! – закричал Фейиз. – Ложитесь, быстро!

Он бросил trekking-палки и опустился на колени прямо в покрытый ледяной коркой снег. Сняв с пояса ледоруб, он воткнул его в лед и задумался, расслышат ли шесть мужчин и три женщины его группы хоть что-нибудь в диком реве грохочущей горы.

Но слов не понадобилось – немцы просто повторили его движения.

Не вставая с колен, он держался за ледоруб в надежде, что снежный покров не сдвинется с места, и старался не считать секунды. Немцы что-то кричали друг другу. Одна из женщин широко оскалилась. В глазах ее горело маниакальное ликование, словно она упивалась ужасом происходящего.

Один из мужчин схватил его за руку. Худое лицо, выдающиеся скулы, глаза цвета неба.

– Когда это закончится? – спросил он с сильным акцентом.

Как будто такое случается постоянно. Как будто горный проводник сумел бы дожить до тридцати двух лет, если бы гора сотрясалась регулярно.

Фейиз посмотрел на него, ничего не ответив, затем крепко закрыл глаза и стал молиться – не только за жену и четырех сыновей, ждавших его в деревне у подножия, но и за тех, кто остался во Втором Лагере. Здесь, на вершине, все было покрыто снегом и льдом, но местность у Второго Лагеря представляла собой нагромождение обломков тяжелых вулканических пород. Фейиз не хотел даже думать о том, что случится, если склон начнет сползать вниз.

– Двадцать секунд! – по-английски крикнула одна из женщин Фейизу. – Долго еще?

Гора нырнула вниз, заставив слегка задохнуться, и небо вдруг взорвалось грохотом. Вновь открыв глаза, он уставился на далекую вершину Малого Арарата. Сердце колотилось так бешено, словно землетрясение происходило у него в груди.

Раздался звук, похожий на выстрел из пушки, и во льду разверзлась огромная трещина.

Кто-то из немцев принялся громко молиться, словно пытаясь докричаться до Бога через грохочущее землетрясение.

Фейиз оглянулся на своих клиентов и вскочил на ноги раньше, чем эхо землетрясения затихло в небе. Он заставил себя успокоить дыхание – гипервентиляция легких в разреженном воздухе вершины очень опасна – и наклонился, чтобы поднять треккинговые палки.

– Идем. Надо срочно спускаться.

– Нет! – недовольно пробасил один из клиентов – тот самый, который только что молился. – А что, если будут афтершоки? Или... случится еще одно землетрясение, хуже этого? Пока мы будем на склоне...

Фейиз посмотрел на него и на пар от его дыхания, клубившийся в утреннем воздухе. Эти мужчины и женщины были коллегами, но не друзьями. Практически весь руководящий состав какой-то фирмы из Мюнхена, производящей технику. Они знали друг друга, но не испытывали друг к другу симпатии. Все, кроме одного, были неопытными альпинистами. Одетые и экипированные по погоде, они были полны тихой решимости совершить восхождение, но к подобным ситуациям жизнь их не готовила.

– Послушайте меня внимательно, – произнес Фейиз, ощутив губами маленькие сосульки, выросшие на краях усов. – Моя жена и дети под горой. Мои двоюродные братья и их семьи прямо сейчас тащат тюки и ведут лошадей, доставляя альпинистов... туристов сюда. Я должен позаботиться об их безопасности. Сколько вы хотите ждать? Если будут афтершоки, то они могут

произойти через несколько часов или даже дней. Вы хотите спускаться ночью? Я – нет. Я иду прямо сейчас.

Он развернулся на месте, соскоблив лед альпинистскими кошками, прикрепленными к ботинкам, и, втыкая их в отвердевший снег, принялся спускаться тем же путем, которым привел их сюда.

– Стой! – рявкнул тот же самый мужчина. – Тебе заплатили за услуги проводника! Ты должен...

Фейиз повернулся и посмотрел на него.

– Должен что? Ценить ваши деньги выше собственной семьи? Если нужен проводник, чтобы спуститься, идите за мной.

Отходя все дальше от вершины, он думал о том, как много еще часов впереди – часов, в течение которых его родные будут беспокоиться о нем не меньше, чем он о них. Затем он услышал, как Дейдра, которую он считал старшей среди их руководителей, принялась распекать несдержанного мужчину. Фейиз оглянулся назад и увидел, что туристы потянулись за ним следом.

Но не успел он пройти дюжины шагов, как гора снова взревела.

– Я же говорил! – закричал мужчина.

В этот раз Фейиз не стал падать на снег. Арарат оставался неподвижным. Он не дрожал под ногами, как прежде. В этот раз грохотало небо, и чувствовалось колебание воздуха, но звук имел вес и точное направление. Он повернулся к юго-восточному хребту и понял, что донесшийся до них грохот производили тысячи тонн льда и вулканических отложений, пришедшие в движение.

Лавина.

В конце года никто не поднимается по юго-восточному склону, но деревня Фейиза находилась на востоке – там, откуда восходит солнце. Услышав жуткий шум скатывающихся камней и кусков льда, он прибавил шаг, забыв о клиентах. Им придется догонять его или спускаться самостоятельно.

Гора убивает людей. Всегда убивала.

Фейиз молился, чтобы сегодня она не убила его людей.

2

Мелкий дождь моросил над улицами Лондона, но его, казалось, никто не замечал. Некоторые люди, проходящие мимо по Кингс-роуд, открывали зонты, но большинство просто застегивали дополнительные пуговицы на верхней одежде, не обращая особого внимания на морось. Адам Холцер засунул свои крупные руки поглубже в карманы серого шерстяного пальто. Родившийся и выросший на Лонг-Айленде в Нью-Йорке, Адам провел в Лондоне уже множество тоскливых ноябрьских дней, постоянно проклиная себя за отсутствие привычки обращать внимание на прогноз погоды. Видимо, переезд сюда не смог повлиять на него так, как двадцать девять прожитых лет.

«А ведь скоро исполнится тридцать, – подумал он. – Черт».

Он покориł многие горы по всему миру, включая даже Мак-Кинли, на которую поднимался с отцом в возрасте семнадцати лет, чтобы теперь встретить смерть на краю тротуара, поскольку невеста его вновь опаздывает, а он не догадался захватить зонт.

Он вытянул телефон из кармана и взглянул на время: тридцать семь минут второго. А договаривались на час. Естественно, он назначил встречу с администратором «Синей Птицы» на час тридцать с тем расчетом, что Мериам, как всегда, задержится, но еще немного, и ему придется заходить внутрь без нее.

Сообщений от Мериам, само собой, не поступало. Он начал было ей писать, но потом передумал, вспомнив, что на предыдущие два сообщения она не ответила. Либо она их не увидела, либо прочитала и решила игнорировать. Если написать еще раз, то это никак не ускорит ее приход.

Адам окинул взглядом фасад «Синей Птицы». Это было приземистое белое здание, совершенно неуместное в окружении прекрасных кирпичных и каменных домов. На первых этажах большинства из них были устроены магазины, через дорогу виднелась аптека. В дождливые дни в таких магазинах продают дерьмовые зонтики за пять фунтов.

Но администраторша «Синей Птицы», должно быть, уже ждет. Он попытался вспомнить ее имя (кажется, Эмили), которое записал на клочке бумаги перед тем, как засунуть его в бумажник. «Синяя Птица» со множеством залов для приемов и церемоний имела чудесную репутацию места проведения бракосочетаний. На фотографиях залов, которые он видел в Интернете, преобладали серебряные, белые и зеркальные поверхности, счастливые люди с рифлеными бокалами, наполненными шампанским, произносили тосты, а очаровательные маленькие девочки держали цветы, стоя вдоль импровизированных проходов. Музыканты струнных квартетов улыбались на картинах, и женихи с невестами выглядели очень счастливыми.

Просто прелесть.

К этому моменту Адам готов был жениться хоть у статуи адмирала Нельсона на Трафальгарской площади, с голубиным пометом вместо лепестков роз, лишь бы Мериам ее одобрила. Она хотела выйти замуж в Лондоне, и он это понимал. В конце концов, это был ее родной город. Но хотелось бы больше конкретики, чем просто Лондон.

Засунув телефон обратно в карман, он пошел вдоль фасадного ограждения, вглядываясь в кованое железо и надеясь, что Эмили (или как ее там?) не ждет его сейчас у входа. Капелька дождя, скользя под рубашку, потекла вдоль позвоночника, и он вздрогнул, уже полностью покорившись настроению этого серого дня.

– Адам!

Он обернулся и увидел Мериам, спешащую к нему. Посреди унылой серости пасмурного дня ее красный зонт выделялся, словно отважная леди Годива. Сырая погода взбила ее короткие каштановые волосы в буйную копну кудряшек, на лице играла ухмылка, которую он слишком хорошо знал. Ее склонность к озорной радости его попеременно то ужасала, то пьянила.

– Я уж начал думать, что ты не придешь, – сказал он.

Мериам наклонила голову вместе с зонтиком.

– Я бы не бросила тебя здесь, любимый.

– Точно так же, как не бросила в центре искусств Баттерси в прошлый понедельник?

Она подлетела к нему, прикрыв красным зонтом, и обхватила правой рукой, чтобы прижаться и поцеловать. Адам ответил на поцелуй, частично выдохнув раздражение, но не позволив себе улыбаться.

– Я извинилась за это уже дюжину раз, – ответила Мериам. – Ты же знаешь, что происходит, когда я пишу. Я сижу в «Уилтоне» и забываю про время.

Дождь усилился. Крупные капли забарабанили по зонту. Прикрывшая их матерчатая «крыша» создавала ощущение интимного пространства, огороженного от всего мира. Ему стало сложнее сохранять строгий вид – в конце концов, она опоздала всего лишь на десять минут.

«На сорок, – напомнил он себе. – Она опоздала на сорок минут. Мы договаривались встретиться в час».

Он почти простил ее за прошлый понедельник, но только почти. Они работали над третьей книгой и вместе, и по очереди – как всегда. У Мериам определенно вошло в привычку полностью уходить в работу, поэтому Адаму было нетрудно представить, как легко она могла забыться в пабе, где пила чай и самозабвенно стучала по клавишам ноутбука. Но такое случалось уже не в первый раз.

Предложение он сделал в начале мая в Шотландии, на пике Бен-Невис, куда они поднялись, чтобы просто устроить пикник. Мериам, казалось, была в восторге, но, как только они начали планировать свадьбу, все изменилось. Она стала сомневаться во всем – от цветов до дизайна приглашений, и опаздывала почти на каждую назначенную встречу.

Теперь она крепко прижалась к нему. Зонтик качнулся назад, и их обдало водой, скатившейся по его поверхности.

– Прекрати, – сказала она.

– Что именно?

– Ты знаешь.

Адам поцеловал ее в лоб. Они были одного роста – сто семьдесят восемь сантиметров – и иногда она целовала его в ответ. Но не сегодня.

– Пойдем внутрь, – сказал он. – Администраторша ждет...

– Если только не решила, что мы уже не придем, – закончила Мериам за него.

– Вот именно. – Адам посмотрел на нее внимательно. – Слушай, я рад, что ты в прекрасном настроении, но я не ел сегодня ничего, кроме яблока, и хочу закончить с делами побыстрее. Мы оба знаем, что у тебя мало терпения, поэтому мы сейчас войдем внутрь, чтобы спрятаться от дождя, и ты откажешься от этого места точно так же, как отказалась от всех предыдущих. Я опять начну искать другое, и у тебя снова появится время подумать о том, как признаться мне, что ты совсем не хочешь за меня замуж.

Ее насмешливая улыбка дрогнула. Глаза вдруг заволкло грустью, и она оттолкнула его прямо под дождь, выгнав из-под интимного пространства своего красного зонта.

– Это несправедливо, – сказала она тихо. Звук ее голоса почти заглушил прогрохотавший мимо грузовик. – И это неправда.

Он выдохнул и снова засунул руки в карманы пальто.

– А что еще я должен думать?

– Что я люблю тебя, но отвлеклась на книгу и подготовку наших приключений в будущем году. Да, ты скажешь, что сейчас тебя интересует только одно

приключение, но кто-то из нас должен сосредоточиться и на зарабатывании денег. Так получилось, что в настоящий момент это я.

Плечи Адама обмякли. Возразить было нечего. Возможно, она не уделяла достаточного внимания предстоящей свадьбе, но и он особо не думал о тех долгих месяцах, которые они проведут в Южной Америке в экспедиции по Андам. А между тем, на минуточку, им предстоит восхождение на Аконкагуа – высочайшую горную вершину, находящуюся за пределами Азии. Проведенные там исследования лягут в основу их четвертой совместной книги.

– Я стою под дождем, – напомнил он, позволив себе наконец слегка улыбнуться. – Мы можем зайти внутрь?

К Мериам вернулась ее озорная улыбка.

– Боюсь, что нет, любимый. Встреча отменяется. Как и все прочие в ближайшем будущем.

– Но ты же только что сказала...

– Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стал моим мужем, – перебила она, – но ты не мог бы заткнуться на минуточку?

Адам замолчал и вопросительно поднял брови.

Мериам удовлетворенно кивнула.

– Отлично. Дело вот в чем. Отменяй все, потому что завтра мы летим в Турцию. Мне позвонил Фейиз. Ты помнишь его?

Само собой, он его помнил. Этот человек успел стать их другом во время восхождения на Арарат. И он оказался лучшим проводником, с которым им когда-либо довелось работать. Фейиз и Мериам очень быстро нашли общий язык. Адам мог бы даже заревновать, если бы не один решающий факт.

– К чему такая спешка? Он что, пригласил нас на свадьбу? – спросил Адам. – Но ведь у него уже есть жена.

Мериам схватила его за отвороты пальто и прижала к себе, затащив обратно под зонт. Он почувствовал ее горячее дыхание на щеке и увидел волнение в ее глазах.

– Не говори глупостей. Ты читал о землетрясении, которое случилось несколько дней назад? О том, что сошла лавина?

– Ужасная новость, – ответил Адам.

– Да, но и прекрасная, если подумать. Турецкие власти никого не пускают наверх – боятся афтершоков и тому подобного, но Фейиз все-таки поднялся туда с одним из своих двоюродных братьев. Проводникам нужно знать, какой нанесен ущерб, что стало с местностью, и все такое.

Адам скептически вздохнул.

– Наверное, они нашли Ноев ковчег...

Мериам вновь лукаво наклонила голову.

– Они обнаружили пещеру на юго-восточном склоне, которой раньше не было. Большую. И, с точки зрения геологии, ее там быть не должно.

Адам вынул руки из карманов и тоже наклонился, чтобы заглянуть ей в глаза. Если бы она узнала об этом не от Фейиза, а от кого-то еще, то он настоял бы на том, чтобы перепроверить информацию... Но, черт, кажется, она не шутит.

– Это ничего не значит, – ответил он тоном, который даже ему самому показался фальшивым. – Ты прекрасно знаешь, что высота слишком велика, чтобы до нее добрался потоп.

– Но...

Он медленно кивнул.

– Но вдруг там есть нечто ценное и мы сможем оказаться там раньше всех? Мы нравимся Фейизу. Особенно ты. Он сможет достать необходимое снаряжение и собрать команду для восхождения.

– Я его попросила. Он уже этим занимается.

Улыбка Адама стала такой же озорной, как у Мериам.

– Безумие какое-то. Ты же сама сказала, что турки никого туда не пускают. Курдские проводники, конечно, могут разведать местность, но ведь мы иностранцы. Даже в обычных обстоятельствах приходится оформлять кучу разрешительных бумаг, чтобы туда подняться.

Мериам прильнула к нему еще ближе, и носы их соприкоснулись.

– Давай просто туда доберемся. Фейиз знает, кому и сколько платить. Я хочу, чтобы мы стали первыми, кто взойдет на гору после снятия запрета.

– Афтершоки...

– Я тебя умоляю, мистер Холцер. Я своими глазами видела, как ты творил глупейшие, опаснейшие вещи – чаще всего с риском для жизни, – и теперь ты беспокоишься об афтершоках? Это же то, ради чего мы живем. К тому же вспомни о своей мечте о телешоу, про которую ты постоянно талдычишь. Я хочу увидеть то, что находится в пещере, и хочу увидеть это первой. А теперь попробуй скажи, что не хочешь того же самого, – и я буду знать, что ты врешь мне сквозь свои чертовы зубы.

Адам рассмеялся и покачал головой от сумасшествия происходящего.

Затем взял ее за руку, и они вместе поспешили по тротуару под раскачивающимся над их головами зонтом. Но Адама больше не заботил дождь. К тому времени, когда они доберутся до Турции, наступит первое декабря, и прохладный дождик покажется сущей мелочью по сравнению с тем зимним адом, что будет ждать их на горе Арарат.

Летом подняться на Арарат может даже новорожденная карликовая мартышка. По крайней мере, так Мериам говорила Адаму три года назад, когда они планировали свое первое восхождение. В теплое время года подъем на гору представляет собой не более чем изнурительный пеший переход до высоты четыре тысячи восемьсот метров, на которой начинается ледник. Чтобы пройти выше этой отметки, здоровому человеку вполне достаточно иметь с собой альпинистские кошки, привязываемые к ботинкам, и, в зависимости от маршрута, ледоруб.

Однако зимой подъем значительно усложняется. Склоны горы то заметает снегом, то обдувает ветром. Холод проникает даже сквозь плотную одежду, причиняя страдания. Ночью или в разгар бури температура может упасть до тридцати градусов ниже нуля. Тем не менее они не были заинтересованы в том, чтобы подниматься на Арарат летом. Весь смысл восхождения заключался в том, чтобы написать по его следам несколько захватывающих глав для второй совместной книги «Адам и Ева на вершине мира». Идея книжной серии заключалась в описании их подвигов как пары. То есть в каждой книге речь шла о том, что они вместе решились на такое приключение, на которое большинство людей не пойдет даже в одиночку, а уж со второй половиной – и подавно. Понятно, что при таких исходных условиях читать про летнее восхождение на Арарат было бы чертовски скучно.

Впрочем, не будучи идиотами, они поднимались на гору в конце октября, а не в феврале. В зимние месяцы на Арарате существует риск попасть под лавину, а для их цели было вполне достаточно, чтобы подъем стал чуть-чуть сложнее, чем в версии для карликовой мартышки.

Ну и, конечно, гору они выбрали в первую очередь из-за ковчега.

Не то чтобы Мериам верила в ковчег. Адам, возможно, да, но он никогда в этом не признавался. Рассказ о Великом потопе имеет слишком большое значение во многих древних культурах, чтобы не считать его чистой выдумкой, но библейская история заведомо не могла быть правдой. Восстановить все человечество – не говоря уж о жизни на Земле как таковой – только с теми животными, которые сумели влезть в одну лодку... От мысли, что кто-то может принять эту байку за чистую монету, ей хотелось биться головой о стену.

Короче говоря, библейская идея ковчега казалась ей смешной.

Но сам ковчег? Возможно, парень, которого звали Ной (или как-то так), построил огромный примитивный корабль, погрузил на него всю свою семью, какую-то домашнюю живность вроде ослов или овец и в результате спасся – в это она легко могла поверить. Мериам достаточно подробно изучала фольклор, историю и богословские труды, чтобы понимать – древние сочиняли легенды, чтобы сохранить в них некие уроки, или передавали из поколения в поколение только потому, что в них содержалось нечто такое, что пугало людей до поноса. Урок библейского рассказа о Ноевом ковчеге был очень прост и рефреном повторял главную мысль Ветхого Завета: слушайся Бога, или тебе звездеч.

Взять хотя бы Адама. Она видела по его глазам, что какая-то часть его верит в то, что ему рассказывали в детстве; в то, что он успел запомнить до достижения возраста бар-мицвы[1 - Бар-мицва? (буквально – «сын заповеди») – термин, применяемый в иудаизме для описания достижения еврейским мальчиком или девочкой возраста религиозного совершеннолетия (прим. пер.).]. Его мать умерла слишком рано, а отец очень много работал. Поэтому его воспитывала бабушка Иви, чья склонность к мрачному мистицизму оставила в душе мальчика глубокий религиозный след. Бабушка утверждала, что к концу жизни ее отец был одержим диббуком[2 - Диббук – злой дух в ашкеназском еврейском фольклоре, являющийся душой умершего злого человека (прим. пер.).]. Адам уверял, что не верил бабушке, но Мериам запомнилось странное выражение его глаз, когда он впервые рассказал ей эту историю. Адам не хотел верить, но она знала, что не верить он не мог.

Мериам, в свою очередь, плевать хотела как на диббуков, так и на духов с ангелами, и вообще – не верила почти ни во что. Ее воспитывали как мусульманку, но она давно решила, что главное отличие разных религий состоит только в том, как именовать Бога. Суть любой религии одна и та же – трепетать перед божьим наказанием, которое непременно последует, если нарушить установленные верой законы. Мериам до сих пор соблюдала некоторые фундаментальные правила – но только в силу приобретенной с детства привычки, а не потому, что боялась наказания Бога. Аллах не плюнет на нее на улице, не посадит в тюрьму, не изнасилует и не убьет.

Все это могут сделать только люди.

Люди, похожие на Хакана Севана.

– Как скоро правительство даст нам разрешение на подъем? – спросила она.

Вольготно развалившийся на стуле Хакан сидел за столом прямо напротив, но отвечать он стал не ей, а Адаму, слегка повернувшись влево:

– Может, через пару часов, может, через несколько недель.

Голос его напоминал скрежет камней, трущихся друг о друга, в нем был сильный региональный акцент, но по-английски он говорил лучше, чем она ожидала.

Мериам взглянула на Фейиза – четвертого человека, сидящего за столом. Подобно своему дяде, ставшему новым главой семьи после всех потерь, которые понес клан в лавине, Фейиз избегал смотреть в глаза Мериам. Но она знала, что он отводит взгляд скорее от смущения, чем из брезгливости. Курды не настроены так же враждебно к женщинам, как большинство последователей ислама на Ближнем Востоке, но, судя по поведению Хакана, бывали и исключения.

– Можем ли мы как-то ускорить этот процесс? – спросила Мериам.

Хакан посуровел еще больше. Подбородок его задвигался, ноздри раздулись. Густая седеющая борода не могла скрыть хмурое выражение лица. Он задержал взгляд на Адаме, изо всех сил стараясь донести всю важность произносимых им слов:

– Мой двоюродный брат сейчас там, разговаривает со своим другом, который служит в аппарате министра. Если взятки помогут, то мы их предложим, и просто добавим стоимость к общему счету. Но до тех пор...

– Хакан! – перебил Адам, не в силах скрыть раздражения.

Фейиз быстро покачал головой.

– ...нам придется ждать, как и всем остальным, – закончил свою мысль Хакан.

Мериам стиснула зубы и оглядела большую столовую с деревянными неотесанными стенами. Три другие альпинистские команды уже собрались здесь, и еще больше подойдет на днях. Фейиз пообщался с их проводниками и узнал, что все три команды были довольно многочисленными, две из трех ждали пополнения, и все были организованы и финансировались ковчеговедами – то есть людьми, которые верили в библейскую историю Ноева ковчега и посвятили всю жизнь его поискам. В состав двух команд входили небольшие съемочные группы, и третья также ожидала киношников.

А у Мериам был только ее жених.

– Я, конечно, извиняюсь, – произнес Адам тихо, чтобы только присутствующие за столом – маленький круг не доверявших друг другу людей – смогли его услышать. – Но вряд ли у нас что-то получится, если вы будете продолжать настаивать на...

Мериам резко постучала пальцами по столу, привлекая внимание трех мужчин. Фейиз буквально излучал тревогу. Адам зажал себе рот в отчаянии. Хакан продолжал демонстративно отворачиваться.

– Во-первых, – произнесла она вполголоса, – не говори за меня, Адам. Не корчи из себя рыцаря без страха и упрека, бросающегося на защиту своей возлюбленной. У нас другие отношения, и ты прекрасно это знаешь.

Позже он будет спорить и доказывать, что обстоятельства потребовали его вмешательства – но только наедине. При посторонних говорить на эту тему он не решался.

– Во-вторых... Хакан, ты можешь продолжать делать вид, что я невидимка, или что моим голосом разговаривает еврей, за которого я собираюсь выйти замуж. Уверена, что он тебе противен примерно так же, как и я. Полагаю, сама идея нашего брака – это мерзость в глазах такого невежественного и полного ненависти существа, как ты.

Хакан оглянулся и посмотрел на нее. Верхняя губа его дрогнула, и она увидела ярость, вспыхнувшую в его глазах по поводу того, что она осмелилась разговаривать с ним в подобном тоне. Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, затем медленно перевел взгляд на Адама. Тонкая, как бритва, улыбка

растянула его губы.

Мериам наклонилась над столом.

– Я понимаю, что ты чувствуешь. Тебе очень хочется накинуться на меня с кулаками, но тогда придется признать, что я не только существую, но и отдаю здесь приказы.

Адаму – только Адаму! – Хакан ответил так:

– А что, если я встану и уйду? Я могу пойти вместе с ковчеговедами. Я могу запретить своей семье и другим проводникам помогать вам.

С наступлением вечера подул холодный сквознячок, который охлаждал ноги, словно подступающая вода. От углового стола донесся громкий смех и хлопки открываемых бутылок – вечеринка немецких альпинистов была в самом разгаре. Морозный сухой воздух сушил рты туристов, но винца для утоления жажды здесь всегда было предостаточно. Много было и историй о горе, рассказываемых темноглазыми проводниками с обветренными лицами, а также молитв Богу, близость к которому в тени гор ощущалась сильнее – равно как и его равнодушие к этим молитвам.

– Ты можешь делать что угодно, – согласилась Мериам.

Ощувив подступившую усталость, она протерла глаза и хрустнула шеей. Им стоило немалых усилий добраться сюда в спешке и устроиться в этом отеле, вырезанном в склоне скалистого холма. Каждый номер отеля представлял собой пещеру практически люксового класса. Это была «Сказочная расселина», как уверяла швейцарская гостиничная сеть, его построившая. Если смотреть снаружи, из темноты, то в золотом свете ламп, освещавших пещеры-комнаты на склоне холма, чудилось что-то магическое.

Хакан отодвинул стул и встал. Из-за сказанных Мериам слов спор повис в воздухе, ничем не разрешившись. Облако недовольства становилось все гуще, и Хакан решил уйти. Сорокалетний проводник неожиданно для себя унаследовал весь семейный бизнес, хотя совершенно этого не хотел. И, естественно, он пока не был готов к тем компромиссам, на которые вынуждала идти его новая роль.

– Вы совершаете ошибку, – быстро сказал Адам.

– Если и так, то это не первая моя сегодняшняя ошибка, – ответил Хакан.

– У вас же есть какие-то собственные амбиции, – продолжил Адам. – При всем уважении, Хакан, но вы – всего лишь горный проводник, а ваша семья, при всех ее достойных традициях, живет в шаге от первобытной дикости.

Хакан сжал кулаки.

– Так было всегда.

– Вы гордитесь традициями, – не уступал Адам, – и это справедливо. Но вы же не хотите работать проводником до самой смерти. И не хотите, чтобы ваши сыновья повторили вашу судьбу. А дочери? Что хорошего, если они выйдут замуж за тех, кто погибнет под следующей лавиной? Вы и ваши родственники уже поставляете лошадей. Так почему бы не заняться заодно и отелями? Почему бы не стать владельцем собственных магазинов?

– Ты же мечтал о другой жизни, дядя, – вмешался Фейиз.

Хакан заговорил с ним на курманджи[3 - Курманджи – крупнейший по числу носителей диалект курдского языка (прим. пер.)]. Мериам сумела разобрать одно только слово: «молчи».

– Мы платим вам приличные деньги, – продолжил Адам тоном бизнесмена. Мериам понимала, что сейчас ему лучше не мешать, ибо сама она так переговоры вести не умела. – И вы не можете не понимать, что как только запрет будет снят, мы окажемся там первыми. Черт возьми, нас только двое, с нами собственная камера, и мы никого не ждем. Продюсер, с которым я работаю, уже ведет переговоры с местными властями. Они проверили наши разрешения и согласились, что, если мы доберемся туда первыми и что-нибудь обнаружим, то раскопки останутся за нами. Конечно, при условии соблюдения всех местных археологических правил.

Хакан закатил глаза.

– Без наблюдателя от правительства? Не получится.

– Если мы что-нибудь найдем, то к нам пришлют наблюдателя.

Проводник огладил густую бороду, не переставая брезгливо кривиться.

– Пойдете без проводника? Что ж, желаю удачи.

Он посмотрел на Мериам так, словно только теперь признал ее – после того, как вбил последний гвоздь в гроб ее планов.

– У них будет проводник, – произнес Фейиз тихо.

Хакан бросил на него испепеляющий взгляд.

– Ты не посмеешь.

Теперь Хакан оказался в роли человека, на которого не обращают внимания. Фейиз демонстративно от него отвернулся.

Адам слегка отодвинул стул Хакана, как бы приглашая его вернуться за стол.

– Мы поднимемся, – сказал он. – Если там ничего нет, то мы потеряем много времени и еще больше денег. Но если найдем что-нибудь ценное, то это будут наши раскопки и наш документальный фильм. Кроме того, нам нужен бригадир, который хорошо знает гору и не против того, чтобы его снимали на камеру. Все расходы возьмут на себя наши спонсоры. Если там ковчег, то интерес к фильму будет настолько велик, что деньги посыпятся дождем.

Хакан стоял, держась за спинку стула. Было видно, что он слегка расслабился, но все еще сомневался. Морщина на его лбу выражала уже не досаду, а глубокое раздумье.

– Слишком много «если», – наконец сказал он.

Мериам выдохнула.

– Тебе не обязательно смотреть на меня, когда я с тобой разговариваю. Если твои религиозные убеждения требуют осудить меня и мои отношения с Адамом, то пусть это останется на твоей совести. Это только между тобой и Богом. Но так или иначе мы сделаем задуманное – чего бы это нам ни стоило. Однако будет намного проще для нас и выгоднее для тебя, если мы получим поддержку семьи Севан.

Хакан взглянул на нее, закрыл глаза на три секунды и сел обратно на стул. Затем повернулся к племяннику и заговорил с ним на их родном языке.

– Ты веришь в ковчег? – спросил он у него.

Не знающий языка Адам нахмурился, но Мериам слегка качнула ему головой, чтобы тот молчал.

– Если он там, то я в него поверю, – ответил Фейиз.

– Пещера для него слишком мала, – заметил Хакан.

Фейиз пожал плечами, но Мериам наклонилась над столом и заговорила с молодым человеком так, словно его дяди рядом не было. Она умела притворяться не хуже других и готова была сама сыграть в эту игру – лишь бы она помогла.

– Все эти люди, – сказала она по-турецки, слегка наклонив голову в направлении ближайшего стола ковчеговедов, – ищут легенду. А в легендах цифры всегда символические. Если ковчег существует, никто не знает точно, какого он размера. Если он там на горе, то мы сами его измерим. Мы заново создадим легенду.

Фейиз улыбнулся. Он находился здесь с самого начала и уже настолько глубоко проникся ковчегом, что не побоялся бросить вызов дяде и разозлить остальную часть семьи. Под лавиной он потерял троих родственников, но все его дети остались живы. Фейиз боялся за их будущее и понимал, что ковчег сможет в одночасье изменить всю его жизнь.

– Так вы в деле или нет? – спросил Адам.

– Дядя? – произнес Фейиз.

Хакан медлил, и Мериам уже начала понимать, что он не согласится. Если подниматься на гору придется без него, то это значительно усложнит задачу. В таком случае им не придется рассчитывать ни на лошадей, ни на пополнение запасов, ни на поддержку, в которой они будут нуждаться, если на самом деле найдут нечто такое, что заслуживает внимания археологов.

Немецкие ковчеговеды разразились новым приступом хохота. Один из них энергично откинулся назад и чуть не упал вместе со стулом. Мощно взмахнув руками, чтобы обрести равновесие, он выронил бокал с вином на пол. Стекло разбилось, и темно-красная жидкость расплескалась по деревянным доскам пола.

Хакан посмотрел в их сторону. Мериам заметила, как недовольно нахмурились его брови и сузились глаза. В этот момент в столовую зашел совсем юный мальчик.

– Зеки, – пробормотал Фейиз.

Мериам взяла Адама за руку, ощутив в груди волнение. Она узнала в мальчике старшего сына Фейиза. Зеки не было еще двенадцати лет, но он уже был строен и красив. Когда он вырастет, то, несомненно, будет с легкостью разбивать женские сердца. Скрытная поспешность, с которой он шел сюда, давала надежду на то, что судьба его сложится иначе, чем у его предков.

Мальчик подошел к отцу и вынул свернутый лист бумаги, но Фейиз велел передать его Хакану.

Зеки повиновался. Хакан окинул взглядом столовую. Мериам понимала, что неожиданный приход мальчика привлек к ним всеобщее внимание, но с этим уже ничего нельзя было поделать.

– Ну? – спросил сгоравший от нетерпения Адам.

Хакан развернул бумагу, быстро пробежал по ней взглядом и хмыкнул.

Затем поднял глаза, в кои-то веки посмотрев прямо на Мериам.

– Надо идти.

– Сейчас? – быстро спросил Фейиз. – Уже час как стемнело.

Мериам улыбнулась.

– У нас целая ночь, чтобы добраться до Первого Лагеря... Отличный получится старт.

Прежде чем встать из-за стола, Мериам допила за их будущую победу последние капли красного блаженства. Они с Адамом окажутся в пещере первыми.

И первыми увидят то, что ждет их внутри.

Фейиз вел микроавтобус со сваленным в багажник снаряжением по спящим улочкам Догубаязита. Адам улыбался всю дорогу, светясь такой легкомысленной жизнерадостностью, какую он не проявлял с детства. Освещаемые светом звезд, они ехали по плохо асфальтированным дорогам к крошечной деревушке под названием Эли. В этом месте дорога закончилась, и они въехали на стоянку, расположенную у подножия горы.

В Турции Адам чувствовал себя в относительной безопасности, но все же присутствие всего в нескольких километрах границы с Ираном слегка напрягало. Даже небо в том направлении казалось нагруженным какой-то смутной угрозой. С одной стороны, глупо думать, будто целая нация испытывает к нему такую личную неприязнь, что найдет облако злобы при первой возможности. Но с другой – пересекли он случайно границу, и его немедленно схватят и засунут в тюрьму. Дурацкие переживания – он не собирался въезжать в Иран, но подобные мысли начинают крутиться в голове против воли.

Путь до Первого Лагеря – скорее пешая прогулка, чем полноценное восхождение. Они вылезли из микроавтобуса, проверили в последний раз снаряжение и надели на плечи рюкзаки. Адам натянул шерстяную шапку, завязал под подбородком тесемки и вздрогнул, привыкая к холодному ночному

воздуху. «Это же глупо», – подумал он, разглядывая гору и ежась под порывами ветра. Мериам повернулась к нему. Увидев восторженный блеск в ее глазах и знакомую улыбку, он заставил себя вспомнить, что подобные глупости – это и есть их профессия. Ведь смысл их книг и интернет-роликов заключался в том, чтобы помочь обычным людям преодолеть свои страхи перед опасностями.

Он достал камеру из багажника, навел на Мериам и включил запись.

– Ну что, как назовем видео? «Адам и Ева находят Ковчег»?

– Давай сначала и вправду найдем, прежде чем начать об этом говорить, – ответила Мериам с улыбкой, некогда покоровившей его сердце и от которой он не сможет отказаться уже никогда. Эта женщина была прекрасней, чем самые смелые мечты.

Мериам поправила лямки рюкзака и повернулась к горе. Фейиз и Хакан уже пустились в путь, не дожидаясь их и не предлагая помощи. Фейиз уже знал, что им его помощь не понадобится. А Хакану было попросту плевать.

Они протащились примерно полмили, прежде чем Адам вновь включил камеру. В свете звезд местность выглядела призрачно. Он хотел как можно дальше отойти от стоянки, чтобы свет от домов или дороги не испортил ту атмосферу, которую он намеревался запечатлеть. В обычных обстоятельствах при них были бы лошади, возможно, пара мулов, но теперь они шли вчетвером, задавшись целью дойти до пещеры первыми, чтобы заявить на нее свои права. У них не было лишних людей в команде, с кем можно было бы оставить животных во Втором Лагере после того, как они пойдут на юго-восточный склон – туда, где находилась отколовшаяся часть массива. К открывшейся пещере не существовало безопасного подхода, но гораздо менее рискованным будет подняться выше раскола и спуститься в пещеру сверху, нежели пытаться залезть туда по зыбким камням, едва держащимся на склоне. Новая лавина гарантированно убьет их всех. Адам и Мериам старались добиться популярности при помощи просчитанных рисков и вовсе не стремились погибать глупо.

– Фейиз, – сказал Адам, догнав проводника и вновь включив камеру, – мы уже снимали раньше, но для тех зрителей, которые с нами не знакомы, мог бы ты рассказать подробности того, что ждет нас впереди?

Молодой проводник настороженно глянул на напрягшегося дядю. Хакан сжал губы, всем видом демонстрируя неодобрение, затем тихо усмехнулся и прибавил шагу, намереваясь отойти подальше. Он хотел найти ковчег как никто другой, но не был заинтересован в том, чтобы его снимали на камеру.

– Мы оставили машину в деревне Эли, которая находится на высоте около двух тысяч метров, – начал рассказывать Фейиз. – До Первого Лагеря примерно девять километров, которые мы одолеем пешком быстрее чем за четыре часа. Местность здесь не слишком сложна для альпинистов в хорошей физической форме.

Мериам шагнула в кадр и оглянулась на камеру, не сбавляя шага.

– Прямо сейчас Адам жалеет о том, что не съел за ужином ту огромную порцию кюнефе[4 - Кюнефе – турецкий десерт из теста и сыра, пропитанный сиропом (прим. пер.).].

Адам простонал.

– Это точно!

Поход продолжился в таком духе: Адам снимал видео, взяв на себя роль интервьюера, Мериам заходила в кадр и рассказывала что-нибудь на камеру, а Фейиз дополнял ее рассказ подробностями. В минуту затишья, когда начала сказываться усталость и шутить на камеру уже не хотелось, Адам взглянул на гору и ощутил внезапный страх. По спине пробежал холодок. Но как только он попытался разобраться, в чем тут дело, ощущение рассеялось, словно туманный сон в момент пробуждения.

Он поправил рюкзак и продолжил шагать, глядя под ноги. Спустя несколько минут он вновь посмотрел на гору и, как показалось, увидел выемку в том месте, где сошла лавина – свежий шрам, изменивший форму Арарата.

Мериам очутилась рядом с ним – как-то совершенно незаметно.

– С тобой все в порядке? – спросила она тихо, хотя в темной тишине, окутавшей гору, можно было слышать даже шепот. Фейиз и Хакан продолжали шагать

вперед, не обращая на них внимания.

Адам кивнул.

– Наверное, задремываю.

– Следующие несколько дней много спать не придется.

– А если нам повезет, то и следующие несколько месяцев.

Мериам улыбнулась, посветлев лицом.

– Твои бы слова – да Богу в уши.

– Богу? – переспросил Адам, удивленно подняв бровь.

– Да кому угодно, – поправилась она. – Кто бы там ни был.

Адам взял ее за руку. Держа камеру в правой руке, а ее пальцы – в левой, он чувствовал, что это и есть равновесие его жизни. Два самых необходимых ему элемента. Вдохновленный и приободрившийся, он отпустил Мериам и включил камеру на запись.

– Почему ты такая уверенная? – спросил он ее на ходу. Ботинки с хрустом давили грубый камень и хрупкий лед. – В Догубаязите сейчас как минимум две подготовленные команды ковчеговедов. Они рванут за нами по пятам.

Мериам смахнула густые волосы с глаз и нахмурилась. Прямо в камеру.

– Мы получили преимущество на старте и идем налегке, – ответила она больше камере, чем ему. – Если там сокрыта тайна, то мы станем первыми, кто ее разгадает.

Затем она улыбнулась. Адам остановил запись, нажав кнопку на камере, и улыбнулся ей в ответ. Но улыбка вышла натянутой. Его вновь стало грызть беспокойство, сильнее которого ему ощущать еще не доводилось. Он чувствовал

на себе чей-то испытующий взгляд, от которого покалывало кожу. С каждым шагом все отчетливее казалось, что за ними наблюдает какой-то невидимый враг.

– Тебе надо поспать, – сказала Мериам с беспокойством.

– Посплю пару часов, когда дойдем до Первого Лагеря, – ответил Адам. – Затем продолжим подъем.

Страх, который залез ему под кожу, сгорит с восходом солнца.

Он был в этом уверен.

4

Адам резко проснулся, почувствовав чью-то хватку на своем плече. Еще не отойдя от мучивших его кошмаров, он схватил кого-то за горло раньше, чем открыл глаза. Громадным усилием стряхнув с себя вязкую дремоту, он пригляделся к лицу нависавшего над ним человека и узнал в нем задыхающегося Фейиза.

– Черт! – просипел он и отпустил проводника. – Извини, друг. Правда, извини. Ты дотронулся до меня посреди кошмара.

Они прекрасно провели время, добираясь до Первого Лагеря, но, к сожалению, без сна. Поэтому все согласились, что надо сомкнуть глаза хотя бы на несколько часов, прежде чем продолжить восхождение. Теперь голова Адама словно наполнилась ватой, а глаза болели от усталости. Иногда спать мало – это хуже, чем вообще не спать.

Фейиз хрипел и массировал горло.

– Черт побери, Адам...

– Серьезно, прости. Кажется, в тот момент я еще не проснулся.

Фейиз выглядел недовольным. Казалось, он сейчас начнет ссору из-за буйного пробуждения Адама, но вдруг выражение лица его изменилось. Причина, которая привела его в палатку, была важнее минутного раздражения.

– Команда Оливьери проходит мимо, – сказал Фейиз и откашлялся. – Мериам просила тебя разбудить.

Страхнув с себя последние остатки кошмара, в котором из-за маятника дедушкиных часов к нему тянулись длинные иссохшие руки, Адам выскользнул из спального мешка и потянулся за ботинками. Холодный горный воздух хлестнул сквозь открытый клапан палатки. Адам поежился и схватил куртку. Затем поскреб колючую бороду, вспоминая первое путешествие на Аляску. На Арарате было холодно, но если сравнивать с Аляской – почти тропики.

– Почему-то снились плохие сны, – сказал Адам и пожал плечами.

Фейиз кивнул.

– Со всеми бывает.

Конечно, бывает, но беспокойство, оставшееся от кошмара, в этот раз почему-то не отпускало. Протиснувшись через клапан, Адам выбрался из палатки. Травянистое горное пастбище, на котором был разбит Первый Лагерь, покрылось тонким слоем снега. Отдельные заблудшие снежинки все еще падали с неба. Благодаря торчащим тут и там скалам пастбище являлось идеальным местом для лагеря, поскольку палатки были прикрыты естественной защитой от ветра. Большую часть года здесь было довольно комфортно, но теперь, когда в двери уже стучалась зима, погода могла меняться по несколько раз на дню.

Мериам и Хакан стояли примерно в шести метрах от палатки и попивали кофе из термосов. Выше придется растапливать снег, но здесь они установили походную печь и имели неограниченный запас воды из ручья, протекавшего мимо лагеря. Правда, теперь эта печь выглядела как явное излишество, воспользоваться которым они не могли себе позволить, поскольку вторая группа альпинистов уже шла мимо них, не собираясь останавливаться на привал. Адам насчитал дюжину человек, половина из которых ехали на лошадях, а остальные вели

мулов, нагруженных снаряжением. На третьей лошади восседал крепкий мужчина с преждевременно поседевшей бородой и альпинистскими очками на лбу, которые, как уже знал Адам, делались на заказ – с диоптриями под зрение профессора. Даже эта маленькая деталь многое говорила о решимости профессора Армандо Оливьери и о той скрупулезности, с которой он готовился к походу.

Оливьери заметил Адама у палатки и помахал ему рукой с видом полководца, командующего парадом. Встревоженный и сердитый Адам пошел прямо к Мериам и Хакану. Эти двое игнорировали друг друга на протяжении всего ночного перехода к Первому Лагерю, да и сейчас не проявляли друг к другу особого дружелюбия, но в данный момент стало ясно, что они на одной стороне.

– Какого черта? Куда Оливьери так спешит? – спросил Адам.

Мериам взглянула на него.

– Ко Второму Лагерю, полагаю.

Адам тихо рассмеялся. После долгого восхождения к Первому Лагерю команде профессора стоило остановиться и отдохнуть, но, видимо, он решил пропустить этот этап, заметив конкурентов. Дальше им придется подниматься до высоты четырех тысяч метров или выше, почти до отметки Второго Лагеря, а затем... спускаться обратно, чтобы акклиматизироваться – иначе горной болезни не избежать. Как правило, альпинисты стараются заночевать в Первом Лагере, чтобы, поднявшись очень рано, совершить более сложный переход во Второй Лагерь. Там следует еще одна ночевка, и лишь затем – последняя часть подъема. Путь до вершины занимает около шести часов, но обратно уже быстрее.

Но им не придется идти до вершины.

– Вы серьезно думаете, что они дойдут прямо до Второго Лагеря? – спросил Адам. – Без акклиматизации?

Хакан хмыкнул.

– А у них есть выбор?

Мериам повернулась к нему.

– Если Оливьери хочет застолбить за собой пещеру, он должен прийти туда быстрее нас.

– Вот блин, – проговорил сквозь зубы Адам.

Он повернулся, чтобы позвать Фейиза, но увидел, что тот уже вытащил снаряжение из палаток и начал их разбирать. Судя по всему, Фейиз и сам понимал, что требуется спешить.

– Мы их обгоним, – сказала Мериам. – Выходим через пятнадцать минут. Собирайся, делай пи-пи и начинай готовить камеру. Новый день – новое приключение.

– Признайся, ты не ожидала, что они догонят нас так быстро. Мы спали всего четыре часа, и вот они – тут как тут...

– Не спавшие, – добавила Мериам, – и без Фейиза с Хаканом. Двенадцать человек, большинство из которых явно неопытны. Скорее всего многие заболеют горной болезнью, если будут продолжать в таком же духе. В то время как из нас никто к ней не расположен. Если придется пренебречь акклиматизацией, то, я думаю, мы выдержим. А в команде Оливьери два «пиджака»-ковчеговеда и шестидесятилетний ученый-раввин. Им, хочешь не хочешь, понадобится акклиматизация. Никуда им от этого не деться.

Адам кивнул, соглашаясь, что это имеет смысл, но легкое сомнение его все равно терзало.

– А как насчет их проводников? Кто они, черт побери?

Он повернулся к Хакану. Тот не спеша допил дымящийся на холоде кофе, затем слил остатки в костер и стал забрасывать огонь грязью и свежевypавшим снегом.

Мериам как будто растерялась. Адам обожал ее самоуверенность, но порой и у нее случались просчеты. Он посмотрел на Фейиза, застегивавшего рюкзак.

– Я думал, ваша семья контролирует всех проводников.

Фейиз нахмурился и взглянул на дядю.

– Дядя Хакан и его двоюродный брат Барис не хотят друг другу уступать. Семья фактически раскололась. Окончательное решение, кто будет главным, еще не принято.

Мериам выругалась.

– Ты заставил нас думать, что ни один опытный проводник не станет помогать ковчеговедам, – сказала она Хакану, – и что у тебя все под контролем!

Хакан подошел к Фейизу и оттолкнул его локтем. Затем встал на колени, расстегнул рюкзак и стал заново переключать его содержимое, как бы молчаливо утверждая свое превосходство. Он лучше знает, что стоит им говорить, а что нет. Фейиз, возможно, хороший проводник, но не он здесь главный.

– Ну вот, опять молчание, – сказал Адам. – Здорово!

Вдруг поднялся холодный горный ветер, Адам поежился и засунул руки в карманы куртки.

– Значит, Барис помогает Оливьери. И если они доберутся до пещеры раньше нас...

– Не только ваш дружок профессор туда стремится, – ответил Хакан. – Семья считает, что мой двоюродный брат способнее меня, и собирается назначить его старшим проводником. Но мы решили, что старшим станет тот, кто дойдет туда первым. Барис не страдает горной болезнью. Даже если все ковчеговеды заболеют, он возьмет одного помощника и спустится с ним в пещеру.

Мериам протянула Адаму свой термос с кофе.

– Из горячего ничего больше нет. Возьми хлеба с медом и ешь быстрее.

Адаму не хотелось есть, но он понимал, что с пустым желудком идти нельзя. Он посмотрел на Фейиза, приступившего к разборке второй палатки.

– Погодите! – сказал Хакан, затем вынул пластиковую колбочку из внутреннего кармана куртки, открутил колпачок и вытряс на ладонь в перчатке несколько таблеток. – Съешьте таблетки. По одной каждого вида. Сначала одну, потом вторую – отдельно.

Не мешкая, Мериам взяла таблетки из ладони Хакана.

Сдвинув брови, Адам внимательно осмотрел медикаменты.

– Одна, скорее всего, диамокс. А вторая?

– Нифедипин, – ответил Хакан. – От кровяного давления. Он предотвратит...

Он повернулся к Фейизу и сказал что-то на родном языке.

– Отек, – перевел Фейиз.

– Эти лекарства ничего не гарантируют, – продолжил Хакан, – но принять их стоит. Запейте большим количеством воды. Если повезет, то нам не придется тащить вас с горы на себе.

Адам взял таблетки, глядя в лицо Хакана.

– Этот двоюродный брат, о котором ты нам не рассказывал... Полагаю, он выдал своей группе точно такие же?

Хакан закрутил колбочку, сунул ее обратно в куртку и затоптал остатки костра. Мериам подошла к Адаму и прижала свою руку к его грязной небритой щеке. Затем проглотила таблетки не запивая и усмехнулась.

– Пошли, любимый, – сказала она. – Придется поднажать.

– У Оливьери лошади и мулы, – тихо ответил Адам, все еще сжимая таблетки в руке.

– А у тебя есть я. Приготовься, скоро начнем снимать.

– Ты что задумала?

Мериам рассмеялась.

– Есть только один способ их обогнать. Они захотят как можно дольше не расставаться с животными. А значит, дойдут до Второго Лагеря, а оттуда устремятся на юго-восточный склон, чтобы подобраться к пещере сверху. Как мы планировали с самого начала.

Адам подумал о разбитой скале ниже пещеры и о тысячах тонн грунта, которые могут съехать вниз по склону в любой момент. И о том, что за ночь к ним прибавилось два-три сантиметра снега.

– А мы останемся западнее камнепада, – сказал он. – Пойдем прямо к пещере, но не пересекая зону лавины. Еще не самоубийственно, но уже чертовски опасно.

Горячий диск солнца выглянул из-за восточного горизонта. Глаза Мериам светились.

– Правда, здо?рово?

В следующий раз Мериам увидела Оливьери только через девять часов. Обеими руками она держалась за ледоруб, воткнутый в ледяную скалу, зубьями альпинистских кошек пыталась зацепиться за лед. Голова пульсировала болью, живот невыносимо крутило, а глотку жгло поднимающейся изнутри желчью. Но Мериам заставила себя не блевать. С приступом горной болезни можно было справиться. Она уже приняла повышенную дозу лекарств и теперь молилась и проклинала как своего Бога, так и всех прочих. Она говорила себе, что все будет хорошо, и, скорее всего, это было так. Если легкие не заполнятся жидкостью и не опухнет мозг (в результате отека легких или мозга), то другие симптомы постепенно утихнут.

Но если у нее действительно разовьется отек и она не спустится сразу, то все закончится плохо. Она умрет.

Глубоко вдохнув разреженный воздух, Мериам зацепилась носком ботинка за лед и подтянулась вверх, затем выдернула ледоруб и воткнула его в скалу как можно выше. Оказалось, что пренебрегать акклиматизацией – это очень-очень глупо. А отправляться вдвоем – пусть даже с проводниками, которые знали гору лучше, чем интимные места своих жен, – было верхом идиотизма.

Одна сторона неба окрасилась в яркий цвет индиго, в то время как с другой солнце закатывалось в свое ночное укрытие. Чья-то рука прикоснулась к ее спине. Она оглянулась и с удивлением увидела догнавшего ее Адама. Ветер хлестал его по лицу, заставляя щуриться.

– Я тебя звал. Ты не слышала?

– Ветер... – ответила Мериам, отдыхая на склоне горы. – А что случилось?

– Фейиз был прав. Надо было остаться на уступе, через который мы прошли полчаса назад. Думаю, нам лучше туда вернуться.

Покрепче схватившись за рукоятку ледоруба, Мериам повернулась к Адаму. Страдающая от тошноты и головной боли, она была вынуждена повторить его слова про себя, чтобы убедиться, что поняла их правильно.

– Хакан сказал, мы сможем дойти. Мы почти у цели!

На лице Адама застыло недовольное выражение.

– Он сказал это час назад, и что толку? Ты видишь эту чертову пещеру? И даже если мы туда дойдем, ты прекрасно знаешь, что там нет и не может быть никакого Ковчега. Допустим, мы снимем отличные кадры, но, чтобы потоп достиг такой высоты... это совершенно невозможно!

– Что я слышу? – саркастически спросила Мериам. – Ты точно не мой Адам. Из нас я атеистка, ты не забыл? Если веришь в Бога, то как ты можешь думать, что для него есть что-то невозможное?

Родители и брат отказались не только общаться с Мериам, но даже признать, что живут с ней на одной планете. Разрыв с семьей одновременно разбил ей сердце и придал сил для того, чтобы осуществить мечты. Но она по-прежнему ощущала боль от одиночества. Когда она встретилась с ними в последний раз – в Лондоне в жаркий июльский день шесть лет назад, – то увидела тоску в глазах матери, но от отца и брата исходили лишь волны ненависти и презрения. Если у матери хватит смелости пойти против воли отца, то однажды они смогут поговорить. Но Мериам сомневалась, что такой день наступит. Объявить себя атеисткой было все равно что плюнуть в лицо отцу. И она понимала это, когда произносила те роковые слова. Но она не могла поступить иначе, решив, что больше никогда не будет скрывать свою истинную сущность.

Теперь она была здесь и отчаянно желала получить то, что могло находиться в пещере. Какая-то часть ее хотела, чтобы пещера оказалась пустой – чтобы потом бросить этот факт в лицо самодовольным ублюдкам, вне зависимости от той религии, которую они представляют. Но другая часть хотела найти... хоть что-то, во что можно было поверить. Хоть что-то, что зажжет в ней искру веры и приведет – если не домой, то туда, где она снова сможет общаться с семьей.

– Может, поговорим об этом позже? – предложил Адам. – Сейчас надо что-то решать. Мы не сможем добраться до пещеры до заката, это очень опасно и...

Она уперлась коленями в снежный наст и отпустила ледоруб, удерживаясь на склоне только привязанными к ботинкам кошками.

– Да брось! Здесь не такой уж крутой уклон. Я, конечно, попаду в ад, если разобьюсь, но это будет не сегодня.

Он смерил ее холодным взглядом.

– Прекрати уже.

Мериам вздохнула и снова взялась за ледоруб. Пожалуй, следовало прихватить с собой скальные крюки и веревки и подниматься с подстраховкой. Ведь если она начнет соскальзывать вниз и не сможет замедлиться, то запросто напорется на скалу или угодит в трещину. С другой стороны, маршрут на востоке куда круче. Отвесная зазубренная поверхность – даже под снегом. Пока они поднимаются...

– Не надо, – сказал Адам, внимательно изучая ее лицо. – В любой момент может случиться обвал. Ты не знаешь, как скоро. Даже Хакан не знает. Мы сейчас повернем назад, спустимся до уступа и там заночуем.

Мериам покрепче сжала ледоруб, почувствовав, что теряет силы.

– Если остановимся, то я не уверена, что смогу потом продолжить.

Адам поднялся повыше и уперся в гору рядом с ней.

– Говори громче.

Снизу что-то крикнул Хакан. Внутри Мериам стал расти гнев. Она уже готова была огрызнуться, подумав, что он их торопит, но встревоженный тон Хакана заставил ее еще раз прокрутить в голове услышанное. Из слогов сложилось имя.

Оливьери.

Мериам взглянула вниз и увидела Хакана, указывающего рукой вверх и на запад. Она перевела взгляд туда и прищурилась от пылающих золотистых лучей заходящего солнца. Выше на горе, примерно в восьмистах метрах от пика, через покрытый снегом хребет пробиралась линия черных силуэтов.

– Вот блин!

– Мериам... – начал было Адам.

Она резко повернула голову и посмотрела на него. Кровь прилила к ее лицу от невозможности объяснить всю срочность и жизненную необходимость этого открытия. Она выглядела одержимой, но у одержимости была своя причина. Грубый и прекрасный в своей неопрятности, Адам обладал душевной теплотой и интеллектом, которые всегда ее поддерживали и позволяли осуществлять все эти путешествия. Но кое-что она не могла ему рассказать. По крайней мере, не сейчас.

А пока для человека, которого она любила, у Мериам нашлось одно только слово:

– Лезь!

– Что...

– Адам, просто лезь! – рывкнула она и выдернула ледоруб.

Затем воткнула его в лед над головой, яростно пнула гору левым ботинком, зацепившись зубцами кошки, и полезла вверх.

Поднявшись выше Адама, Мериам услышала, как он выругался. Адам заметил наконец-то, что уже видели она и Хакан. Вновь посмотрев вверх и на запад, Мериам разглядела цепочку из полудюжины силуэтов, движущихся вдоль хребта, – всего лишь темные контуры в золотистых лучах садящегося солнца; фигуры, хорошо заметные в час длинных теней.

Больше слов не требовалось. Адам полез вслед за ней, тихо ворча. Мериам хорошо понимала, что он сейчас чувствует. Прошло уже девять долгих напряженных часов, во время которых они много раз останавливались и спорили о том, где устроить ночевку, но неистовая страсть Мериам и решимость Хакана победить двоюродного брата неизменно гнали их вперед. Порой ее одолевало сомнение. Начинало казаться, что это смешно... что команда Оливьери давно разбила лагерь и встала на отдых или попросту страдает от горной болезни.

Теперь стало ясно, что из двенадцати участников его группы осталось человек шесть-семь. Остальные, скорее всего, заболели и были вынуждены спуститься, но тех, кто мог идти, Оливьери и дядя Фейиза Барис заставили продолжить поход.

Раскапывая левой рукой снег в поисках твердой опоры, она продолжала восхождение. Ледоруб, кошка, рука, кошка, колени для дополнительной опоры. Солнце еще грело, но по мере того, как оно закатывалось за иззубренный край мира, температура стала ощутимо падать. Усилился ветер и стал с воем хлестать по склону горы. Мериам карабкалась вверх, словно неуклюжий когтистый паук. Фейиз и Хакан о чем-то стали спорить на повышенных тонах, но Мериам была слишком сосредоточена на восхождении, чтобы обращать на них внимания. Одновременно лезть и переводить у нее уже не хватало сил.

– Мериам! – сказал Адам. – Поговори со мной. С тобой все в порядке?

Мериам проигнорировала его вопрос. Она любила Адама, но сейчас не могла даже перевести дух, чтобы ответить. Холод, исходящий от горы, проникал внутрь и отдавался ломотой в костях. Поднявшийся ветер обжигал лицо. Ледоруб, кошка, ледоруб, кошка. Сердце бешено стучало в груди, губы высохли и потрескались. Мериам подняла в очередной раз ледоруб и вдруг застыла. Резкая боль прошла голову, глаза заволокло розовой пеленой. Она моргнула и на секунду потеряла сознание. Затем, ощутив острый приступ тошноты, она почувствовала, как к горлу рвется горячая желчь.

Нет!

Проглотив слюну, она могучим усилием воли заставила желудок успокоиться. Голова пульсировала так, словно по черепу били чьи-то могучие кулаки. Она стала глубоко и плавно дышать в надежде, что боль утихнет. Вдруг странный ужас коснулся задней стороны шеи. Мериам почувствовала себя уязвимой – словно все зло мира внезапно обратило на нее внимание. Ужас распался на тысячу тонких ледяных иголок и пролился на спину, заполнив все тело, затем исчез.

– Что это было, черт возьми? – безотчетно прошептала она сама себе.

Она поморгала, чтобы убрать наворачнувшиеся на глаза холодные соленые слезинки.

Вдруг резко нахлынули звуки, и Мериам осознала, что несколько секунд не слышала вообще ничего. Она отключилась подобно тому, как отключался свет в их квартире во время сильной бури. Тогда несколько раз гасли все лампочки, а электронные часы в доме начинали показывать 00:00. Сердце тревожно застучало, к лицу прилила кровь. Мериам судорожно вдохнула и отползла немного назад.

– Мериам! – окликнул ее Адам.

Он положил руку ей на спину и вдруг потерял опору. Заскользив вниз, он стал бешено пинать ботинками склон, пытаясь зацепиться кошками за снег или скалу, но гора стала сползать вместе с ним. Рыхлая после лавины насыпь все-

таки сорвалась с места. Мериам закричала и стала тянуться к нему, но чужая рука крепко схватила ее с левой стороны, удержав от возможной глупости. Это был Фейиз.

– Не шевелись! – кратко сказал он.

Снежная завеса справа пришла в движение. Большие и малые камни покатались вниз, перемешиваясь с белым снегом. Хакан стал вполголоса молиться. Они застыли на склоне, не шевелясь, – только слушая шепчущий недовольный рокот горы. Адам молчал, но продолжал сражаться с осыпью. Он поднимал ледоруб и втыкал его в неустойчивый камень, постепенно сползая все ниже. Они подобрались вплотную к траектории лавины, но, поскольку камнепад скрыл снег, Адам неосторожно залез прямо на осыпь.

«Ему конец», – подумала Мериам, и тошнота внутри превратилась в опустевшую ледяную яму. Сердце оцепенело. Она даже перестала дышать.

Со звуком, напоминающим хор голосов, оползень замедлился и остановился сразу весь. Адам оперся о его край, воткнул ледоруб в рыхлую породу и опасливо застыл, ожидая, что она начнет сползать вновь.

Сердце Мериам колотилось как бешеное. Она сделала несколько коротких вдохов, чувствуя, как пульсирует кровь в висках. Огонь в ее голове утих, сменившись тупой болью. Она облизнула губы.

– Ползи! – закричала она и вздрогнула от звука собственного голоса, испугавшись, что даже крик может спровоцировать оползень. – Потихоньку, но ползи!

Хакан начал спускаться, держась прочной поверхности горы. Они поднимались вдоль камнепада, не заходя на него, пока Адаму не вздумалось нагнать Мериам. Но она понимала, что в скальном массиве вблизи зоны лавины могут скрываться трещины. Следовало соблюдать осторожность.

Адам сдвинул левую руку. Несколько камней покатались вниз, но он переместил и левую ногу. Пятиметровый участок оползня вновь сдвинулся с места и тут же остановился. Мериам плотно прижалась к скале, судорожно задышала и стала мысленно молиться любому богу, который мог ее услышать. Это несправедливо,

когда вот так. Просто нечестно.

Фейиз что-то мягко говорил ей. Все его ободряющие слова и уверения сводились к одной-единственной мысли: «С ним все будет хорошо». Но никто не мог знать этого наверняка.

«Веревки, – думала она, – скальные крюки... Большая команда и правила безопасности... Господи, я же его убила!»

Адам выдернул ледоруб из осыпи, и каменный поток стал сползать вновь. Он не молился и не взывал к Богу. Вместо этого он крикнул Мериам, переживая в этот момент больше о том, что стихия разлучила их, чем о том, что с ним может произойти.

– Перекатывайся! – взревел Хакан.

Адам его услышал, несмотря на шелест сползающих камней. Вместо того чтобы бороться с потоком, он перекатился влево. Смесь снега и камней несла Адама вниз, но он заставил себя перекатываться вновь и вновь. Пара метров напряженных усилий – и вот он уже на твердой неподвижной поверхности горы. Воткнув ледоруб и кошки в заледеневшую скалу, Адам надежно зафиксировался и стал ждать Хакана, спускавшегося к нему на помощь.

– Адам, – прошептала Мериам вместо молитвы.

Спустившись на дюжину метров, Хакан достиг Адама и теперь говорил ему что-то вполголоса, попутно проверяя, целы ли кости, и заглядывая в зрачки, чтобы убедиться, что он не получил травму головы. Солнце начало заходить за гору на западе. Верхний край солнечного диска раскрасился яркими цветами, растекшимися вдоль линии горизонта. Через несколько минут погаснут последние золотые лучи, и из источников света останутся только луна и звезды. Подъем по склону был несложным. Несмотря на то что камнепад чуть не убил Адама, в остальном эта часть горы требовала лишь выносливости, выдержки и совсем немного мастерства. Подняться будет достаточно просто... но спать здесь будет негде.

В умирающем свете заходящего солнца Мериам увидела кровь на лице Адама. На лбу зияла глубокая царапина или порез, из которого сочилась пачкавшая

щеки и бороду кровь. Видимо, все-таки ему досталось, но когда он встретился с ней взглядом, она поняла, что все будет в порядке. Он все еще с ней. Все еще в этом походе.

– Надо лезть дальше, – сказала она, повернувшись к Фейизу.

С того момента, как стал сдаваться ее организм и с ней осталась только ужасная всепоглощающая злость, она продолжала двигаться вперед лишь благодаря проводнику. Но только теперь, увидев беспокойство в его глазах, она поняла, что Фейиз стал чем-то бо?льшим, чем просто проводником или союзником. Он стал другом. У нее уже был неоднократный опыт неосознанной дружбы, когда со временем она превращается в нечто твердое и истинное – как Пинокио превращается в настоящего мальчика. В прошлом она далеко не сразу это понимала, но сейчас все было по-другому.

– Полезли, Фейиз, – сказала она, – мы должны...

Хакан заорал, чтобы они подняли глаза. Мериам съежилась, уперлась плечом в скалу и наклонила голову, опасаясь, что сверху сейчас что-то свалится. Прошло несколько мгновений, на них ничего не упало, и она осторожно изогнула шею, чтобы посмотреть на вершину. Но вместо вершины в затухающих лучах солнца она увидела неровный выступ, до которого было метров семьдесят. Волна облегчения захлестнула ее – это уступ, на котором можно будет отдохнуть. Чтобы добраться до него, понадобится время, но...

Она прищурилась.

Вдруг Фейиз стал вслух благодарить Аллаха. Краем глаза она увидела, как он улыбается во весь рот. И только после этого все поняла и заулыбалась сама.

Пещера.

Ни слова не говоря, Мериам выдернула ледоруб и воткнула его выше по склону. Ледоруб, кошка, рука, кошка. Она полезла быстрее, чем вначале, даже боль куда-то пропала. Она взглянула на силуэты членов команды Оливьери, которые отсюда выглядели как чернильные пятна на темнеющей горе, и уже знала, что сможет их победить.

Фейиз не отставал. Двенадцатью метрами ниже Адам, раненый или нет, снова лез вверх под присмотром Хакана.

Тошнота по-прежнему терзала ее, но Мериам продолжала двигаться, стараясь глубоко дышать. Когда они достигнут уступа, можно будет принять медикаменты. Но лишь крошечная часть ее мозга осознавала физическое недомогание. Все мысли были сосредоточены на восхождении к тайне, которая привела их сюда. Она старалась обуздать фантазию и не давать волю надежде. Но даже если они не найдут там ничего, кроме зияющей дыры в скале, то по крайней мере доберутся туда первыми.

Мышцы спины горели огнем. Руки ослабли. Она будто обманывала свой организм на протяжении нескольких часов, когда заставляла его лезть вверх. Она словно сумела убедить плоть и кости в том, что не станет требовать от них больше, чем понадобится для достижения цели. Но надо потерпеть еще чуть-чуть. Навалившаяся усталость резала все тело. Стало труднее искать точки опоры. От понимания того, что отдых уже близко, с каждым следующим сантиметром подъема тело слушалось все неохотнее.

Хакан и Адам о чем-то разговаривали. Слова долетали до Мериам, но она даже не пыталась прислушаться, чтобы понять, простая ли это болтовня или они обсуждают раны Адама.

– Мериам, – произнес Фейиз, увидев, что она стала ползти медленней. – Тебе нужна моя...

Она бросила на него испепеляющий взгляд.

– Даже не вздумай мне помогать!

Кажется, это прозвучало слишком грубо. Она осознавала это, но, увидев зыбкие тени на его лице, и лунный свет, отражающийся в глазах, поняла, что Фейиз все воспринял правильно. Она зашла так далеко вовсе не для того, чтобы в последний момент ей кто-то помог. С самого начала это были ее поиски – не совместные с Адамом, а ее лично! – и она не станет принимать ничью руку помощи, пока не упадет. Да и в этом случае вряд ли.

«Лунный свет», – мелькнула в голове мысль.

Будучи полностью поглощенной подъемом, она впервые заметила, что солнце уже зашло. Остатки его сияния еще подсвечивали западный горизонт, но в целом – воцарилась ночь. В наступившей тьме она перенесла левую руку вверх и попыталась ухватиться за камень... но рука провалилась в пустоту. Быстрый взгляд вверх, и вот он – вожаденный уступ, за которым на склоне Арарата разверзлась новая пещера.

Она усмехнулась, почувствовав внутри радостное тепло, зацепилась ледорубом за край уступа и потащила себя наверх.

Лежа на спине у входа в пещеру и глядя на звезды, Мериам начала безудержно хохотать.

Затем повернулась, встала на четвереньки, и ее вырвало.

Адаму отчаянно хотелось скинуть рюкзак на пол пещеры и упасть с ним рядом. Икроножные и плечевые мышцы горели огнем, колени стали будто деревянные. Наверное, такими они и останутся, когда юношеская склонность Адама к чрезмерным нагрузкам доведет суставы до артрита разрушения. Он хотел попить воды, немного перекусить и насладиться ощущением победы над Оливьери. Честь открытия этой пещеры останется за ними – даже если в ней ничего не будет.

И тут Мериам вырвало.

– Меер! – воскликнул он, бросившись к ней.

Фейиз и Хакан уже светили фонариками в глубь пещеры, пытаясь разглядеть, что скрывается за глубокими тенями.

Мериам успокаивающе махнула Адаму рукой.

– Все нормально.

Она стояла на четвереньках в лунном свете, заливавшем первые три-четыре метра пещеры.

– Я же вижу, что тебе хреново.

Он взял ее за руку, пощупал пульс и спросил, может ли она дышать полной грудью.

– Вряд ли, пока я...

Еще одна тонкая струйка рвоты прервала ее слова. Адам успокаивающе положил руку ей на спину.

– Все будет хорошо, – сказал он уверенным тоном, хотя на самом деле ощущал тревогу. Мериам с трудом переводила дыхание. – Скоро все пройдет. Даже если нам придется спустить тебя вниз...

– Нет!

– ...мы уже забили за собой пещеру. Мы здесь первые. Команда Оливьери появится у порога на рассвете, но они уже не смогут претендовать на раскопки – после того, как ты договорилась с правительством. Конечно, если здесь есть что раскапывать.

– Я не хочу... не собираюсь вниз.

– Тебе надо акклиматизироваться, – продолжал настаивать Адам. – Возьми с собой Фейиза. Отдохни несколько часов и...

Мериам прошептала что-то неразборчивое. Наклонившись, Адам попросил ее повторить, и Мериам повернула к нему лицо. В ее глазах отразился лунный свет, но на мгновение вместо серебристого цвета они вспыхнули медно-красным. Световой обман – как это частенько бывает ночью.

Глубоко вздохнув, она протянула к нему руку.

– Помоги встать.

Затылком Адам ощутил неприятный холодок.

– Ты знаешь, к чему может привести горная болезнь. Это не шутки.

– Я... – заговорила она, но по телу ее вновь пробежала дрожь.

Она задышала через нос, обнажив зубы, и в этот раз сумела победить рвотный спазм.

Адам опустился рядом с ней на колени. Он снова потянулся к ее запястью, беспокоясь о ее усиленном сердцебиении.

– Это не горная болезнь, – сказала она, отдернув руку. – Прекрати.

– А что тогда, по-твоему? – Он и сам чувствовал себя плохо. Тело покрылось липким, почти лихорадочным потом, в голове пульсировала боль. – Неважно, сколько таблеток Хакана ты приняла. Сегодня мы поднимались так долго и забрались так высоко, что это не может не ударить по здоровью. Я чувствую себя будто избитым.

– Это не горная болезнь, – упрямо повторила она, наклонив голову и делая ровные вдохи.

– Тогда что?

Бледная Мериам посмотрела на него печальным взглядом.

– Все в порядке... наверное. Но я не стану спускаться. Я не для того зашла так далеко, чтобы вернуться без...

Фейиз позвал их, не дав договорить. Адам внимательно изучал ее лицо, пытаясь понять, что она скрывает. Возможно, она чувствовала себя хуже, чем хотела показать, или это как-то связано с той стеной, которой с недавних пор она начала от него отгораживаться. Какое-то время Адам старался эту стену не замечать, но теперь почувствовал ее острее, чем когда-либо.

– Мериам... – начал он.

Фейиз крикнул вновь, еще более настойчиво.

– Идем! – сказал он, решив отложить неприятный разговор.

Он расстегнул рюкзак Мериам, вынул оттуда фонарик и вложил ей в руку. Затем вытащил свой.

Она взяла его за руку, встала, пошатнувшись, и включила свет. Пол пещеры имел небольшой уклон в сторону обрыва. Они углубились в нее, и только когда отошли подальше от пятна лунного света, услышали тихие неразборчивые молитвы откуда-то слева. Адам посветил туда фонариком и увидел Хакана. Конус света от фонаря Мериам медленно двигался по полу пещеры и вдруг застыл, высветив узор, напоминавший очертания животного. Похоже, под толстым слоем пыли, состоявшей наполовину из снега, наполовину из мела, лежали чьи-то кости. Рядом хлопала на ветру лента то ли тонкой иссохшей кожи, то ли ткани.

Мериам сжала руку Адама.

Фейиз продолжал звать их, но они были не в силах ответить, словно потеряв дар речи. Адам заметил, что Хакан пошел в глубь пещеры левее их, но теперь присутствие этого человека не имело значения. Для Адама теперь существовал только следующий вдох, следующий шаг и фонари, освещавшие свод и пол ближайших метров. Устье пещеры – огромная зияющая рана в теле горы – было метров тридцать в ширину, и света их фонарей не хватало, чтобы рассеять всю темноту до самых границ. Но по мере того как Адам и Мериам продвигались дальше рука об руку, фонарики постепенно высвечивали то, что их здесь ждало.

Покрытый пылью ряд изогнутых деревянных балок слегка выступал над полом пещеры. Вернее, они и были полом пещеры.

На минуту Адаму показалось, что он в глубине океана и медленно погружается в тяжелом деревянном корпусе в холодные темные воды. Луч фонарика высветил полуразрушенные остатки деревянной конструкции, которая, возможно, когда-то была лестницей. В лучах света, шарящих вдоль балок, плавали пылинки, словно планктон в глубине моря. У устья пещеры завыл ветер, бревна скрипнули,

и иллюзия океанского дна рассеялась. Кожа и рот Адама пересохли, голова болела, но он продолжал смотреть не отрываясь.

Мериам отпустила его руку и шагнула вперед. Покатый пол затрещал под ее ногами. Она вздрогнула и посмотрела вниз. Адам взглянул туда же и увидел, что ее ботинок придавил деревянную доску.

– Ни хрена себе... – прошептал Адам.

Он замер на месте и скользнул лучом фонарика вправо, осветив толстые, грубо отесанные колонны, наполовину почерневшие от густых мазков смолы. Низкие стенки – возможно остатки загонов для животных – немного загораживали обзор, но прямо за ними лежали груды иссохших жухлых костей – больших и малых. Большая часть мумифицированных останков принадлежала животным, но в пляшущем свете фонаря он успел заметить пару фигур, которые, возможно, когда-то были людьми. Он поднял фонарик повыше и увидел ряд деревянных балок, поддерживавших второй этаж, а возможно, даже третий.

«Это не полы, – подумал он, – это палубы. Разрази меня гром, это палубы!»

Кости животных говорили сами за себя, но они до сих пор не решались произнести вслух то, о чем думали. Дрожь головокружительной радости охватила Адама.

Мериам сделала еще несколько шагов по скрипящему деревянному полу.

– Он настоящий!

– Если это не огромная подделка, – заметил Адам.

Но нет. Тихое древнее сооружение выглядело пугающе правдоподобным. Более того, Адаму почему-то стало казаться, что Ковчег обладает собственной душой и чувствует их. И что он ждал их прихода. Ковчег даже пах по-настоящему, хотя Адам вряд ли бы смог объяснить, что это значит.

– Сюда! – раздался голос Хакана, и Адам вспомнил, что их уже давно зовет к себе Фейиз.

Он вгляделся в темноту пещеры и заметил мерцание фонарика Фейиза. Надо бы выяснить, чего он хочет, но Хакан был намного ближе – примерно в двадцати метрах от них он исследовал западную часть пещеры. Адам решил сначала дойти до него. Мериам выдула воздух сквозь полусомкнутые губы и схватилась за живот.

– Что случилось? – спросил он.

– Ничего серьезного.

Освещая неровный путь фонариками, они осторожно пошли к Хакану. Ощутив под ногами податливое сухое древнее дерево, Адам вновь испытал странное чувство, похожее на пробуждение, которое охватило его, когда он впервые увидел рухнувшие балки и кости животных. Лучей трех фонарей оказалось достаточно, чтобы вдохнуть призрачную жизнь в чернильную темноту. Не дойдя до Хакана метров шесть, Мериам вдруг встала. Адам прошел на несколько шагов дальше, прежде чем понял, почему она остановилась.

Хакан шарил лучом фонарика по стене пещеры, внимательно ее разглядывая. Бревна у стены были похожи на длинные изогнутые кости – как если бы они находились во чреве огромного кита, от которого остался один скелет. «Иона», четыре тысячи лет спустя. Все видимые швы были тщательно промазаны смолой для защиты от воды.

– Я не археолог, но... – заговорил Хакан.

– Как и мы, – перебил его Адам. – Наверное, было ошибкой не получить правильного образования, да?

Забыв на секунду о принципах, Хакан обернулся и посмотрел прямо на Мериам.

– Это даже не пещера. Вся эта полость и есть Ковчег, скрытый много лет.

Адам не нашел что ответить.

– Поразительно! – проговорила Мериам с улыбкой. Затем ткнула Адама кулаком в плечо. – Чего застыл, дорогой? Включай уже чертову камеру!

Адам выругался и тут же рассмеялся. Уставший и охваченный благоговейным трепетом, он совсем забыл о камере. В его изумленной голове крутились мысли о тех днях и неделях (да что там неделях – месяцах!), которые теперь им предстоит провести здесь. Наконец он вынул камеру и принялся снимать, начав с освещенного фонариками участка на стене.

– Просто невероятно, – проговорил он.

Уловив краем глаза движение справа, Адам быстро повернул камеру туда, и в луче ее светильника оказалось лицо Фейиза – озабоченное и бледное. Вид у проводника был какой-то нездоровый.

– Думаете, это самое интересное? – спросил Фейиз прямо в камеру, прикрывая глаза от света. – Идемте, кое-что покажу.

Мериам стала выпрашивать, все ли с ним в порядке, но Фейиз молча повернулся и пошел вперед. Луч его фонарика освещал путь по длинному проходу вдоль рядов больших загонов. Адам снимал все на камеру, следуя за Мериам и Фейизом, сзади шел Хакан. Ветер, завывавший у входа, этой части пещеры не достигал. «В смысле, этой части Ковчега», – напомнил себе Адам. Температура снаружи горы быстро падала, но в глубине Ковчега воздух был плотным, застоявшимся и странно теплым. Живот Адама противно урчал, его слегка подташнивало, но он не опускал камеру на всем протяжении пути по наклонному проходу до самой дальней части Ковчега, которая когда-то была задней стеной.

– Глядите, – сказала Мериам и указала на мумифицированный труп, прислоненный к вертикальной балке. Зубы трупа были обнажены, но мало походили на улыбку. Губы отсутствовали, вместо глаз на лице – пыльные ямы. Плоть на костях давно иссохла и стала похожа на папирус.

– Ноема, – прошептал Адам.

Жена Ноя. Имя само всплыло в памяти и слетело с губ. Наверное, того, кто построил этот корабль, никогда не звали Ноем, а его жену никогда не звали Ноемой, но какое это теперь имеет значение?

– Быть того не может, – пробормотала Мериам, замороженно озираясь. – Ни один потоп не поднимется на такую высоту. Но даже если и поднимался... не мог же Ковчег так хорошо сохраниться?

– Сейчас ты стоишь внутри его, – напомнил Адам.

Аргументы Мериам были разумны, и с ними сложно было спорить. Но все же они находились здесь, и это не сон. Корабль не являлся доказательством библейской истории в том виде, в каком она была записана, но он доказывал, что Потоп действительно произошел, и был Ной – как бы его ни звали. Поскольку настоящие имена не известны, то почему бы не звать его Ноем? А мумифицированное тело пусть будет Ноемой.

– А это еще что такое? – раздался голос Мериам.

Адам отвел камеру от трупа, нашел в видоискатель Мериам и, проследив за ее взглядом, перевел объектив на освещенный фонарем участок пола, на котором валялись какие-то блестящие черные камни.

– Вулканические? – спросил он.

Хакан вошел в кадр. Затем нахмурился, опустился на колени и подобрал один из камней.

– Арарат – это, конечно, вулкан, но... никаких извержений здесь не было уже лет двести.

Мериам шарила по полу лучом фонарика.

– Камушки лежат здесь дольше, чем двести лет.

– Это не вулканическая порода, – сказал Фейиз откуда-то из тени.

Мериам подняла фонарик и посветила в его сторону. Адам пошел туда с камерой и увидел, что фонарик Фейиза лежит на полу, и его свет направлен на кучу пыльных черных камней, а сам он стоит рядом. Тройной свет – от фонарей Мериам, Хакана и светильника камеры – одновременно упал на него, и на стене

заплясали жутковатые тени. Молодой бородатый проводник будто вытянулся до двухметрового роста – словно превратился из человека в собственный портрет, возникший в воздухе перед ним.

– Это окаменевшая смола, – договорил Фейиз.

На полу перед ним лежал огромный предмет, сделанный из той же окаменевшей черной смолы, который Адам поначалу принял за обелиск. Но, возможно, это был некий алтарь. Увидев, что Фейиз отламывает от него кусок, Адам подошел поближе и взял крупный план.

– Что это? – спросил Хакан. – Какой-то ящик?

Адам проскользнул за спиной Фейиза. Теперь, когда весь «обелиск» был освещен, он увидел, что задняя его сторона отколота, а под смолой скрывался совсем другой предмет – большой прямоугольный ящик из темного тяжелого дерева. Крышка его была запечатана той же смолой, но когда Фейиз провел пальцами вдоль шва, Адам, приблизив зум камеры, увидел, что герметичность крышки нарушена. Выломанные из шва куски смолы валялись рядом на полу.

Адам приблизил еще, и камера зафиксировала странные отметины, выцарапанные на черной поверхности – как на внешнем кожухе, так и на шве уплотнения.

– Какой-то саркофаг, – сказала Мериам.

– Египетский? – спросил Адам.

Она посмотрела на него с досадой.

– Откуда мне знать?

– Саркофаги делали египтяне.

– Мы уже поняли, что среди нас нет археологов, – сказала Мериам. – Я просто предположила, что это может быть гроб.

– Гробница, – тихо поправил Хакан.

– Значит, не египетский? – не унимался Адам.

Его захлестывала радость открытия. Теперь все для них изменится. Будущее начнется с этого момента!

Но Мериам перестала улыбаться. Она резко побледнела, все лицо ее покрылось по?том. Затем сквозь бледность проступила странная желтизна.

Стоявший у могилы Фейиз вдруг скорчился, пробормотал что-то на родном языке и рухнул вбок, неподвижно застыв. Хакан выкрикнул его имя, оттолкнул Мериам в сторону и метнулся к племяннику. Адам попытался ее подхватить, но не успел. Мериам упала на колени, и ее опять вырвало. Мгновение спустя она обхватила голову обеими руками и дико заорала, что череп ее раскалывается.

Камера продолжала снимать.

За пределами Ковчега усилился холодный ветер. Облако напозло на луну, и вершина Арарата погрузилась в непроглядную тьму.

Три недели спустя

Бен Уокер застегнул куртку на молнию, поднял воротник и всю дорогу просидел, уткнувшись в него носом, сохраняя тепло внутри. Военный вертолет накренился влево, закладывая вираж в непосредственной близости к горе. Сотни метров серой хмари отделяли вертолет от земли, но Уокера беспокоила не столько высота, сколько ветер. Гражданским воздушным судам летать здесь было запрещено, поэтому подняться на Арарат без восхождения можно было только

вместе с турецкими военными.

По вертолету ударил восходящий поток воздуха, и сразу после этого он взвыл винтами, угодив в воздушную яму. Уокеру показалось, что они начали падать, но движение вниз остановилось. Несмотря на то что воздух на такой высоте был сильно разрежен, винты стучали так громко, словно били о что-то твердое. Стиснув зубы, Уокер посмотрел в иллюминатор. Отсюда уже хорошо было видно темнеющий шрам на склоне горы. Сын Чарли – девятилетний сорванец – постоянно говорит, что очень сильно хочет прокатиться на вертолете. Уокер подумывал взять его с собой как-нибудь, но, конечно, не в настолько опасных условиях.

«Не будь идиотом, – посетила его мысль. – Аманда никогда этого не разрешит».

Бывшая жена Аманда... Мать Чарли.

Чем дольше они жили вместе, тем чаще Уокер отсутствовал дома, а ситуации, в которые он попадал, становились все более опасными и пугающими. Новые шрамы расстраивали Аманду, но не так сильно, как нежелание говорить о том, где он их приобрел. Она говорила, что такая секретность может означать только то, что он не доверяет ей. И хотя он отрицал это, в глубине души Уокер понимал, что она права. У Аманды была красивая улыбка и беззаботный смех. В моменты неподдельной радости глаза ее начинали сиять. Она старалась видеть в людях только хорошее, и именно это делало ее самым неподходящим человеком для того, чтобы делиться с ней тайнами. Они бы ее просто съели изнутри. Даже простое знание о том, какие ужасы существуют в мире, с чем регулярно приходится сталкиваться Уокеру, могло больно ударить по ее психике. Он не готов был брать на себя такую ответственность.

Но для Чарли невозможно было пожелать лучшей матери. Она вырастит его так, что сын будет смотреть на мир открыто и с оптимизмом. Поэтому, когда Аманда сказала Уокеру, что его угрюмая замкнутость отравляет их брак, тот неожиданно для нее согласился. Он навсегда запомнил ее ошеломленный взгляд, когда она вдруг поняла, что он не собирается ради нее меняться. То прозрение оказалось для нее довольно болезненным. Вдали от Уокера она сумела взять себя в руки и стала строить жизнь одна, окружив себя новыми друзьями. В последний раз, когда он виделся с Чарли, сын сказал ему, что Аманда начала встречаться с художником по имени Джордж и что он рисует теперь для него мультики про призраков, волшебников и разных забавных

животных. Чарли рассказывал о нем с большой теплотой, и Уокеру больно было это слышать, но в то же время он понимал, что общение с Джорджем делает сына счастливее.

Кто-то ткнул его локтем в бок. Он взглянул налево и только сейчас понял, что с ним уже некоторое время говорила Ким Сон. Но из-за поднятого воротника и грохота вертолета он ничего не расслышал.

– Простите, что? – переспросил он, наклонившись к ней.

– Я сказала, что если даже такая погода кажется им безопасной, то я очень рада, что вы не убедили их лететь во время снегопада.

– Я тоже, – улыбнулся он.

Уокер пока не решил, что делать с этой мисс Ким. Корейская женщина стала самым странным и, возможно, нежелательным дополнением к их группе. Мериам Карга и Адам Холцер якобы пообещали турецкому правительству качественное описание археологических раскопок в документальном фильме и книге, над которой работали, а также определенный процент от прибыли. Уокер не сомневался, что помимо этого парочка авантюристов наверняка имеет договоренности, касающиеся туризма и освещения в СМИ. К тому же они с готовностью соглашались на любые правила, выдвигаемые турецкой стороной.

Когда Карга и Холцер собрали первую команду, в ней оказались люди самых разных национальностей и профессий. Турки настояли только на том, чтобы включить туда пару мелких правительственных чиновников. Но в тот момент, когда США попросили разрешения прислать представителя Национального научного фонда[5 - Национальный научный фонд – агентство при правительстве США, отвечающее за развитие науки и технологий (прим. пер.)] в лице Уокера, турецкое правительство вдруг озаботилось независимым наблюдателем и обратилось с этой целью в ООН. Ким Сон и стала этим наблюдателем. Поначалу выбор Ким показался странным: эксперт по глобальной политике, обученный ведению международных переговоров, был не совсем тем, что нужно для такой работы. Но, встретившись и пообщавшись с Ким в Стамбуле, Уокер увидел в ней весьма умного и глубокого профессионала. И, что главное, она была искренне заинтригована тем, что на самом деле нашли искатели приключений на Арарате.

Но ему в принципе не нравилось, что к нему приставили няньку – вне зависимости от того, насколько хорошо он сможет с ней поладить.

Уокер обернулся назад, натянув ремень безопасности до предела. Отец Корнелиус Хьюз сидел бледный как снег, но кивнул, демонстрируя, что у него все в порядке. Лицо пожилого священника, сплошь покрытое морщинами, излучало мудрость, свойственную, казалось, совсем другой эпохе. Он являлся экспертом в области древних цивилизаций и исчезнувших языков. Уокер был приятно удивлен, когда узнал, что отец Корнелиус, несмотря на академическое образование священника, способен вполне вольно трактовать библейскую историю Потопа.

Не очень большая команда, но если бы Уокер попытался включить в нее сотрудника службы охраны, то это могло привести к неприятной догадке о том, что Национальный научный фонд – это не более чем многолетняя вывеска, которой пользуется Министерство обороны США в тех случаях, когда важно скрыть участие DARPA[6 - DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency) – Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США, отвечающее за разработку новых технологий для использования в интересах вооруженных сил (прим. пер.)]. Даже священник не подозревал, на кого он работает, и уж точно в это не следовало посвящать мисс Ким. ООН не одобряла, когда DARPA вынюхивало что-то без их разрешения. Узнав об этом сейчас, они немедленно информируют турецкое правительство, и то сразу аннулирует аккредитацию Уокера.

Задание будет провалено, и начальству Уокера это точно не понравится. Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны имело причудливое название, но сравнительно простой спектр задач – бдительно следить за достижениями науки или проявлениями необъяснимых феноменов, чтобы быть полностью уверенными в том, что если кто-то из чего-то сможет создать новое оружие, то прежде всего оно должно оказаться в распоряжении Соединенных Штатов. На самом деле Уокеру никогда не нравилось работать на DARPA (он не очень ценил науку ради вооружений), но всю жизнь его мучила неутолимая жажда познаний и привлекали тайны – как естественные, так и не совсем. Но если он находил что-то действительно опасное, то предпочитал, чтобы оно оказалось в руках его собственного правительства.

Не то чтобы он доверял своему начальству. Скорее это был классический случай «меньшего зла».

– Мистер Уокер! – крикнул пилот. – Пора!

Уокер повернулся к иллюминатору, чтобы еще раз взглянуть на заснеженную гору и темный провал пещеры. Вход в пещеру с левой стороны был около двенадцати метров в высоту, но поскольку прорезала она склон горы под углом примерно в семьдесят пять градусов, то с правой стороны высота прохода снижалась до трех – трех с половиной метров. Второй пилот отстегнулся и, слегка пригнувшись, перелез назад к пассажирам. Затем принялся распутывать моток из толстого троса, в котором Уокер сразу опознал альпинистскую обвязку.

Если до сих пор Ким Сон излучала радостную безмятежность, то теперь взяла руку Уокера и крепко ее сжала.

– Я не пойду первой.

Уокер собрался с духом.

– Я бы и не позволил. Моя команда, мои риски.

– Уверена, что это абсолютно безопасно, – быстро добавила Ким.

Уокер расстегнул ремень безопасности и с помощью второго пилота влез в обвязку.

Затем пилот открыл левую дверь вертолета и поманил Уокера к себе. Кто-то должен будет управлять лебедкой, которая опустит Уокера на склон горы, но никто, кроме него самого, не сделает шаг наружу.

Уокер поправил обвязку, подергал за трос и развернулся спиной к пропасти, прежде чем отправиться в свободное падение. Не очень доверяя левой ногой, он оттолкнулся правой. Вертолет над ним резко затанцевал во внезапном восходящем потоке воздуха, его мотануло по головокружительной дуге, затем трос стал разматываться, и он осознал, что уже спускается к горному склону.

В поле зрения справа мелькнул темный провал пещеры. Он проводил его глазами, вращаясь на тросе.

Снова дунул ветер, и его порыв оказался таким холодным и сильным, что череп Уокера словно прошло ледяными иглами, и несколько секунд он чувствовал себя маятником, внезапно замороженным на излете. Вертолет накренило вместе с ним, и вдруг, спустя удар сердца, он ухнул вниз сразу на шесть метров. Уокер громко выругался, но ветер стих, и спуск продолжился в нормальном режиме, не считая того, что холод продолжал пробираться до костей.

Он крепко закрыл глаза и сжал зубы, и тогда ему показалось, что мимо и сквозь него пронесся ветер какой-то иной природы. Болезненное ощущение заставило содрогнуться от чего-то еще, кроме холода, – словно он погрузился в грязь, которая мгновенно впиталась в кожу. Ему показалось, что плоть его стала расползаться. Ощувив омерзение, он открыл глаза и с отчаянием стал осматривать себя, вращаясь в обвязке. Из пещеры показались люди и стали махать пилоту вертолета, чтобы тот подлетел поближе. Две человеческие фигурки поползли вниз – к импровизированной платформе, установленной на вбитые в гору сваи в шести метрах ниже входа в пещеру.

Внутри Уокера зашевелился страх. Он прополз по внутренностям и стал перекачиваться в животе, словно желудочный сок напололам с желчью. Уокер почувствовал, что слабеет. Всю жизнь он считал себя почти бесстрашным, но этот страх проникал глубже, чем высокогорный холод.

Затем на несколько секунд он отключился.

Что, черт возьми, происходит?

Чья-то рука схватила его за лодыжку, и он дернул головой, едва удержавшись от того, чтобы заорать. Затем Уокер увидел лицо человека, который его поймал. Очень знакомое лицо по документальным фильмам и задним обложкам книг, которые он просматривал во время перелета из Вашингтона в Стамбул.

– Холцер?

Мужчина втянул его на платформу и, как только ноги Уокера нащупали заснеженную опору, расстегнул обвязку.

– Можно просто Адам, – ответил искатель приключений и слегка дернул за трос. – А вы, должно быть, доктор Уокер?

Обвязка немедленно попозла вверх. Лебедка наматывала трос, чтобы вслед за Уокером спустить следующего члена команды.

– Можно просто Уокер.

Ответ прозвучал как шутка, но Уокер до сих пор чувствовал головокружение и странную смесь слабости и непонятной злости. Опасаясь, что его слова расценят как насмешку, он поспешил добавить:

– Рад познакомиться.

Холцер – в смысле, Адам – протянул руку.

– Добро пожаловать на гору Арарат.

– Имеете в виду, на Ноев ковчег?

Лицо Адама поскучнело.

– Это вы решите для себя сами.

– Слушайте, я не хочу здесь топтать чьи-то мозоли, – сказал Уокер. – И я прекрасно понимаю, что вы не очень рады меня видеть.

– На вашем присутствии настояло американское правительство, и компания, финансирующая наш проект, обязана была подчиниться, – ответил Адам. – Это значит, что вам рады здесь до тех пор, пока вы полезны или хотя бы не мешаете.

– Все понял, – сказал Уокер.

Адам взял его за руку и отвел ко второму мужчине, чья густая борода и выдававшая виды одежда выдавали богатый опыт общения с горой.

– Это Хакан, наш бригадир, – представил его Адам, повысив голос, чтобы перекрыть шум вертолетных винтов. – Он поможет вам подняться к пещере.

Уокер посмотрел на вертолет и увидел, что Ким уже стоит у открытой двери, а за ее спиной второй пилот – едва видимый отсюда – проводит инструктаж. Вернее, напоминает Ким то, что объяснял им днем раньше.

– Не беспокойтесь, – крикнул Адам. – Я прослежу, чтобы с ней ничего не случилось. – Вдруг его улыбка снова померкла. – Поверьте, это еще не самое пугающее, что вам предстоит сегодня пережить.

Уокер пытался спросить у Адама, что тот имеет в виду, но Хакан уже плотно взял его под свою опеку, и Уокеру пришлось переключить внимание на него. Вербки были закреплены наверху – где-то в глубине пещеры, и Хакан, поставив Уокера перед собой, принялся объяснять ему, как пользоваться ими для подъема. Уокер не сомневался, что без альпинистских кошек и веревок он обязательно скатился бы вниз. На одном особо хлопотном задании он серьезно повредил спину, и теперь, от холода и напряжения, старые раны принялись ныть.

Он снова взглянул на вертолет и заметил, что Ким Сон уже начала спуск. После того как вертолет вернется на базу, с горы не получится спуститься никак, кроме как своим ходом. К его собственному удивлению, эта мысль изрядно подвыбила его из колеи. С каждым шагом вверх желание отступить терзало все острее – настолько, что он даже не заметил, как поднялся до пещеры. Перевалившись через край, он понял, что стоит на дрожащих коленях перед несколькими членами команды копателей.

Первым делом Уокер узнал Мериам Каргу – знакомую по книгам и фильмам точно так же, как ее жених. Легкая сутулость и напряжение мышц вокруг глаз придавали ей почти хищный вид – словно обычным ее состоянием была постоянная готовность к атаке, как у свернувшейся в кольца змеи. Остальные люди тоже выглядели напряженными, и Уокер задумался – а не попал ли «Проект Ковчег» в ловушку?

– Пойдемте, доктор Уокер, – сказала Мериам, поежившись от ветра. – Попьете кофе, пока ждете своих людей, потом посмотрите все, что захотите увидеть.

Он огляделся вокруг, заметил огни фонарей, древние бревна и людей, работавших во всех концах пещеры.

– Ноев ковчег... – произнес Уокер, вставая на ноги.

– Мы тоже так думаем, – ответила Мериам. – Но вас ведь интересует не ковчег.

Странное спокойствие охватило его. Даже боль в ноге утихла.

«Так и есть», – подумал он.

Ему на самом деле плевать – были ли бревна, которые он видел вокруг себя, когда-то бортами лодки или нет. И принадлежала ли эта лодка Ною или кому-то еще.

Его больше интересовало то, что лежало внутри.

Ковчег – если это действительно был он – сидел внутри горы Арарат, как доброкачественная опухоль внутри человеческого тела, и просто ждал, когда его откроют. Уокер был уверен, что обнаружить Ноев ковчег на Арарате – после стольких попыток и денег, потраченных на его поиски, – было совершенно невозможно, но факт оставался фактом: теперь он находился прямо внутри его.

Для вновь прибывших провели короткую ознакомительную экскурсию по основным помещениям. Повсюду были развешаны лампы, но освещали они только небольшие пятачки под собой. Работало несколько генераторов, обеспечивавших электроэнергией небольшие обогреватели, установленные в некоторых загонах-стойлах, ряды из которых были выстроены на всех трех палубах. Обогреватели и электролампы были единственными источниками тепла, поскольку открытый огонь был строго-настрого запрещен. Члены того, что теперь официально называлось «Проект Ковчег Карги – Холцера» (ПККХ), с этой старой древесиной вынуждены были обращаться чертовски осторожно, чтобы случайно не спалить все дотла. Поэтому здесь всегда было холодно, и даже в глубине лабиринта из стойл и дорожек высокогорный холод распространялся с каждым порывом ветра.

Быстрый визуальный осмотр подтвердил то, что он уже увидел с вертолета. Левый край пещеры (он же западный) показывал, что лавина полностью вскрыла эту сторону ковчега – сверху донизу. Однако с правого края тысячелетние камни и глина все еще частично покрывали ковчег, в результате чего его бревенчатый внутренний борт оставался почти целым. С этой стороны (с восточной) зев пещеры сужался до трех метров. Вследствие этого и внутри ковчега на востоке было гораздо темнее, чем на западе. Но, как заметил Уокер, это означало еще и то, что здесь было немножко теплее и гораздо меньше беспокоили сквозняки.

После обоюдного знакомства Мериам и Адам провели Ким Сон и отца Корнелиуса до третьего этажа. Но сам Уокер задержался на первом, остановившись у группы археологов, работавших с пыльной кучей человеческих костей, покрытых серыми остатками кожи и одежды. Причем человеческая кожа и шкуры животных за давностью лет стали практически неразличимы. На шее одного из тел он заметил толстый кожаный ремешок, к которому был привязан острый осколок черного камня, словно некий амулет. Кажется, и на втором трупе имелось нечто похожее на остатки ожерелья.

– Сколько всего тел? – спросил Уокер, поскольку ему показалось, что конечностей здесь больше, чем положено иметь двум трупам.

Женщина-археолог подняла голову и удивленно заморгала. Она была так поглощена своей работой, что только сейчас поняла, что рядом присутствует наблюдатель.

– Три. Два взрослых и один ребенок, – ответила она с британским акцентом.

Услышав про ребенка, Уокер поморщился, но быстро взял себя в руки. Этим останкам тысячи лет, напомнил он себе. В древние времена дети гибли по самым разным причинам. А если случилось наводнение, подобное тому, что описано в Библии, то детей, должно быть, погибло бесчисленное множество. Его собственная реакция на детский труп всего лишь выдавала в нем новичка в той трагедии, которую мир уже пережил и принял.

Потоп...

Он с удивлением заметил, что уже сам думает о Потопе как о чем-то реальном.

Но мог ли он случиться на самом деле?

Ему уже доводилось сталкиваться с чудовищами и видеть странные вещи. Даже простое осознание, что все это существует на самом деле, заставило бы обычного человека закричать от ужаса, но, так или иначе, все эти вещи имели твердое научное объяснение. Они выглядели противоестественно, но сверхъестественными не были. Однако само существование этого корабля, погребенного в склоне горы, подразумевало, что в основе одного из самых известных мифов всех мировых религий лежит истина.

Уокеру пришлось сделать трудный выбор, больно ударивший по его семье и всей жизни, после которого он потерял веру в себя. Теперь, находясь здесь, он втайне надеялся найти хоть что-то, во что можно поверить.

«Господи, – думал он, – да все, что мне сейчас нужно, – это бутылка пива и грустное кантри из музыкального автомата».

Отгнав непрошенные мысли, он заставил себя сосредоточиться на археологах, увлеченно трудившихся над сохранением древних останков.

Они находились на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря. Было выдвинуто множество теорий относительно реальных событий, которые могли вдохновить на первоначальные рассказы о Великом потопе. В придумывании таких теорий упражнялись самые разные люди – от явных психов до известных уважаемых исследователей, но Уокеру не попалось еще ни одной теории, которая бы логично объяснила, каким образом ковчег оказался на такой высоте без чудесного вмешательства.

Но он находился именно в нем.

В какой-то момент ковчег застрял на горном хребте и лег на его склоне под углом. Столетия оползней засыпали его, скрыли хребет, утрамбовали корабль камнями и глиной. Мериам сказала, что, по мнению геологов ее команды, под ковчегом может скрываться трещина, поэтому действовать надо предельно осторожно.

– Извините, а вы, собственно, кто? – спросила археолог.

Когда он представился, она нахмурилась, скорее всего, задумавшись о том, для чего США отправили сюда представителя Национального научного фонда, который – судя по неумению идентифицировать древние человеческие останки – вовсе не является археологом. Или, может, ей стало интересно, почему никто ее не предупредил, что в проект вливается свежая кровь.

– Приятно познакомиться, доктор Уокер, – ответила она. – Я Хелен Маршалл, неофициальный руководитель археологического отряда. Меня выдернули прямо из Оксфорда. А это Полли Беннетт – моя правая рука среди аспирантов, которых я привлекла на сей проект.

У высокой мускулистой Полли имелась татуировка на затылке в виде машущих крыльями птиц, волосы с правой стороны, окрашенные в ярко-зеленый цвет, свисали до плеча, а левая часть головы была выбрита наголо. Меньше всего она походила на аспирантку-археолога, подумал Уокер и тут же упрекнул себя за подобные мысли: на такой работе вряд ли имело значение то, как ты выглядишь.

Чрезвычайно занятая, Полли едва взглянула на него, но слегка кивнула головой в знак приветствия.

Профессор Маршалл подняла бровь.

– Я бы пожала руку, но...

Она подняла обе руки в пыльных перчатках и пошевелила плечами.

– Понимаю. Простите, что помешал.

– Нисколько. Я даже рада, что вы проявили интерес. Не каждый день встречаешь что-то настолько... невозможное.

Уокер кивнул.

– Согласен. Но я правильно понял, что вы говорите не только про невозможную высоту?

Профессор Маршалл широко раскинула руки.

– По моим расчетам, этой штуке не меньше пяти тысяч лет. Она построена примерно в то время, когда египтяне только придумывали, как сшить между собой доски так, чтобы из них получилось нечто похожее на корабельный корпус. Но даже если бы египтяне занялись этим раньше, то данный корабль...

– Ковчег.

– Как вам больше нравится. Ковчег намного больше и сложнее, чем что угодно, построенное в ту эпоху. Корабль Хеопса был погребен у подножия Великой пирамиды в Гизе примерно пятьсот лет спустя, и он был сопоставимых размеров. Но корабль Хеопса по сравнению с этим – всего лишь грубая баржа.

Уокер внимательно смотрел на археолога.

– Если то, что вы говорите, – правда, то его вообще не должно существовать.

– Поймите меня правильно. Я очень рада, что он здесь. Это как сон, в котором я вообще никогда не рассчитывала оказаться. Но когда я говорю про «сон», то имею в виду не только свой восторг. Здесь все кажется нереальным. Вы поразитесь, насколько невозможным выглядит этот ковчег, если поговорите с профессором Оливьери.

Уокер не стал интересоваться, кто такой профессор Оливьери, рассчитывая в скором времени познакомиться с ним лично. Ковчег не такой уж и огромный.

– Итак, – сказал Уокер, – вы считаете, что в Библии отражена правда? Бог лично организовал Потоп и все такое?

Профессор Маршалл смерила его холодным взглядом.

– Не впутывайте сюда Бога, доктор Уокер. Мы здесь для того, чтобы провести исследования и написать отчет. А толкованиями пусть занимаются соответствующие специалисты.

Она вернулась к работе, и Уокеру ничего не оставалось, кроме как уставиться на стену, под которой трудилась команда археологов. На бревнах, из которых было собрано нечто, напоминавшее входную дверь, были процарапаны длинные

борозды.

– Это что?..

Археолог подняла голову.

– Простите?

Уокер указал на борозды на двери. Судя по всему, дверь прижало к горе так, что люди были лишены возможности через нее выйти.

– Это следы паники?

Профессор Маршалл кивнула задумчиво и серьезно, словно онколог, подтверждающий самые худшие опасения.

– Мы полагаем, что да.

– Но почему? На борту были и другие люди. И запасы еды...

Она тонко улыбнулась. Отблеск рабочих ламп придавал лицу археолога мертвенную бледность. Только глаза оставались темными из-за обилия морщин вокруг них.

– Припасы были даже тогда, когда умер последний пассажир, не говоря уже о животных, которыми они вполне могли питаться, – ответила она. – Здесь есть другие выходы, которыми они могли воспользоваться, если бы решили рискнуть спуститься с горы. Но они почему-то умерли, пытаясь открыть именно эту дверь. Прекрасно зная, что она заблокирована снаружи.

– Это ваша теория? – спросил Уокер.

Улыбка сползла с ее лица. Остальные археологи продолжали работать: один фотографировал, другие подготавливали кости к извлечению.

– У нас пока нет никаких теорий, – ответила профессор Маршалл и отвернулась.

Почувствовав ее раздражение, Уокер не стал больше задавать вопросов.

– Все в порядке? – раздался голос за спиной.

Уокер обернулся и увидел идущего к нему Адама Холцера с двумя стаканами кофе в руках, один из которых он тут же подал Уокеру.

– Теперь да. – Он стянул одну перчатку и засунул ее в карман. – Я так понимаю, своего Старбакса в ковчеге не было?

Адам поднял стакан словно перед тостом.

– Этот кофе ужасен. Но он горячий и содержит много кофеина.

– Иными словами – то, что доктор прописал.

Уокер сделал глоток и едва не скривился. Турецкий кофе мог быть крепким, но то варево, которое пила команда «Проекта Ковчег», на вкус больше напоминало ржавчину.

Улыбнувшись, Адам оглянулся на археологов.

– Ваша группа уже разместилась. Мисс Ким отказалась от кофе – видимо, она умнее нас всех, – но отец Корнелиус с удовольствием им отогревается. Предлагаю пока отложить формальные знакомства, чтобы я мог показать вам главное – погребальную капсулу.

После этих слов Уокера прошиб такой озноб, что даже дерьмовый кофе стал казаться холодным.

Он последовал за Адамом в глубь ковчег – в самое его сердце. Затем они поднялись вверх по тщательно укрепленным (а в некоторых случаях и заново выстроенным) лестницам. На третьем уровне они пробрались через бревенчатый дверной проем, на верхней перемычке которого зияла широкая трещина. Уокер живо представил себе, что случится, если крыша вдруг рухнет и запрет их здесь. Против воли в воображении воскресла картина, которую он видел на первом этаже: борозды в бревнах, выцарапанные ногтями людей, отчаянно пытавшихся

спастись. После этого думать о треснувшей перемычке стало совсем не весело.

Впереди слышались голоса. Уокер почувствовал себя немного лучше, когда понял, что один из голосов принадлежал Ким Сон. Вела она себя как королева в комнате, полной шутов. Такое высокомерие могло раздражать, но каким-то образом ей удавалось выглядеть достаточно любезной.

Дойдя до конца узкого прохода, они вышли на открытое пространство задней части верхней палубы ковчега. Что-то иссохшее и сморщенное лежало в одном огороженном углу, но это были не кости. Уокер подумал, что, возможно, пять тысяч лет назад это было чье-то спальное место, хотя как куча сена не истлела полностью в пыль, понять было трудно. Дальняя стена помещения состояла из широких вертикальных бревен, таких же, как на нижних этажах, – это было то, что они называли ребрами ковчега. Из отверстия в полу торчала лестница – не оригинальная, но построенная на скорую руку персоналом «Проекта Ковчег».

Мериам ждала их с группой людей, среди которых были Ким и отец Корнелиус.

– Еще раз здравствуйте, мистер Уокер... Или доктор Уокер? – спросила она.

– Можно просто Уокер.

Указывая рукой, она быстро представила присутствующих друг другу. Команда Карги и Холцера включала в себя бригадира Хакана и его племянника Фейиза. Похожая на привидение бледная блондинка с камерой на плече оказалась Каллиопой Шоу – профессиональным режиссером, с которым Адам заключил договор на создание документального фильма о проекте. Далее Мериам представила профессора Оливьери, о котором уже упомянула Хелен Маршалл, – пятидесятилетнего ученого-библеиста с густой бородой и мощным торсом. Издалека профессор напоминал Санту из торгового центра, но впечатление это было обманчивое: Армандо Оливьери был хоть и толстым, но далеко не мягким.

– Мы все рады вас видеть, – подытожила Мериам.

Оливьери выглядел недовольным.

– Очевидно, все, кроме профессора, – заметил Уокер.

Оливьери нахмурился еще больше.

– Уверяю, мистер Уокер, мое недовольство не имеет к вам никакого отношения.

– Но вы считаете, что нам здесь не место...

– Я считаю, нам всем здесь не место, – поправил Оливьери. – Ковчег всегда был для меня предметом восхищения и одним из главных научных интересов на протяжении всей жизни. Когда я сумел его найти, когда узнал, что он настоящий, – трудно передать словами, что я почувствовал в тот момент. Но теперь я считаю, что лучше всего было бы заложить взрывчатку на склоне горы и похоронить эту пещеру еще на несколько тысяч лет.

Отец Корнелиус застыл, глаза его потемнели от негодования.

– Если я понимаю правильно, мы имеем дело с величайшим доказательством истинности библейской истории из когда-либо найденных. И вы хотите его похоронить? Уничтожить? Да что вы за библеист такой?

Оливьери раздраженно фыркнул.

– Такой, который понимает, что некоторые вещи лучше оставлять в их могилах. Не делайте вид, будто вы ничего не чувствуете, – сказал Оливьери, внимательно оглядывая лица. – Оно так близко отсюда, что здесь едва можно дышать. Уверяю, вы ощущаете себя странно не только от подъема...

– Армандо... – произнесла Мериам так тихо, что ее голос почти заглушил вой ветра, задувавшего в швы между бревнами.

Оливьери обреченно махнул рукой.

– Хорошо, я помолчу. Делайте, что задумали, но я в этом не участвую. Если бы я не считал, что кто-то должен присматривать за всеми этими ужасными делами со стороны, то давно бы уже ушел.

Мериам выглядела так, словно уже готова была потерять самообладание, но Адам сгладил неловкий момент, первым шагнув к лестнице.

– Нет смысла больше откладывать, верно? – сказал он, взявшись за поручни и встав на первые ступени. – Идите за мной, Уокер. Честно говоря, мы надеялись, что ваше прибытие рязрядит напряженность, копившуюся здесь несколько дней, но, по-видимому, мы ошиблись.

– Разрядка напряженности никогда не была моей сильной стороной, – ответил Уокер, посмотрев на Оливьери. – Но должен признаться, всякое странное мне видеть уже приходилось.

Удрученный их легкомыслием, Оливьери ушел тем путем, по которому они добрались сюда. Остальные члены «Проекта Ковчег Карги – Холцера» что-то тихо сказали Мериам и разошлись каждый по своим делам. Даже Каллиопа заспешила куда-то, передав камеру Адаму.

– Куда они все разбежались? – спросил Уокер, когда из команды «Проекта Ковчег» осталась одна Мериам.

– Там мало места, – ответила Мериам. – К тому же все уже видели то, что внизу. И второй раз смотреть не хотят.

Уокер против воли задрожал. Можно было заподозрить, что Мериам намеренно усиливает драматический эффект, но ее жених уже спускался вниз по лестнице с камерой в руке. Пытаться после этого пугать новоприбывших – какой в этом смысл? Ким во все глаза смотрела на Мериам, полезшую вслед за Адамом вниз. Если бы она была кошкой, то спина бы ее сейчас была выгнута, а шерсть на загривке стояла дыбом.

Уокер допил ужасный кофе, аккуратно согнул бумажный стаканчик и сунул его в карман куртки, затем повернулся к Ким и отцу Корнелиусу.

– Вы что-нибудь чувствуете?

Ким выдохнула и слегка расслабилась.

– Небольшой приступ клаустрофобии, наверное. Но если вы имеете в виду, чувствую ли я что-нибудь сверхъестественное, то ответ «нет». Я не экстрасенс.

– А вы верите в экстрасенсов? – полюбопытствовал отец Корнелиус.

– Конечно же, нет.

– Что ж, я тоже не экстрасенс, – сказал Уокер. – Но не стоит с ходу отвергать сверхъестественное. В мире существует множество вещей, которых мы не понимаем.

Ким глубокомысленно кивнула.

– Да, и всегда находятся те, кто с удовольствием делают деньги на незнании окружающих.

Уокер понимал, что она права, но, когда подошел к лестнице, взялся за перила и посмотрел вниз, ему против воли вспомнилась складка, замеченная на лбу Оливьери. В мире живут миллионы религиозных фанатиков, но Оливьери был библиистом-ученым. Уокер часто сталкивался с высокомерием верующих, но та эмоция, которую излучал Оливьери, не выглядела как осуждение или неодобрение.

Скорее здесь имел место настоящий неподдельный страх.

6

Спустившись по лестнице, Уокер ощутил затхлый запах, который заставил его сморщить нос. Что-то напоминавшее ржавчину. После того как он миновал второй уровень и начал спускаться на первый, к нему вернулось уже знакомое чувство тошноты. Он немного подышал, стараясь успокоиться, и сказал себе, что это не более чем самовнушение. Судя по всему, недавние разговоры пустили глубокие корни в его подсознание.

– Чем тут пахнет? – услышал он голос Ким, раздавшийся снизу.

Мериам призналась, что они не знают, и замолчала, даже не потрудившись высказать хоть какие-то предположения. Уокер изумился. Люди вроде Адама и

Мериам, как правило, не лезут за словом в карман и всегда имеют наготове какую-нибудь теорию. Видимо, несмотря на сложное отношение к Уокеру и его группе, «Проект Ковчег» нуждался в них. Так сказать, свежие глаза – свежие идеи.

Лестница привела в один из задних нижних закоулков ковчега. Здесь были растянуты полиэтиленовые перегородки, отгородившие площадь примерно в пять квадратных метров. Горело несколько светильников. Порыв ветра промчался по длинным коридорам, сходящимся в этой точке, и полиэтиленовая пленка громко хлопнула. Урчал генератор, но большинство источников света, которые он питал, находились внутри прикрытого матовой пленкой пространства.

– Погодные условия на горе быстро ухудшаются, – говорил Адам и одновременно делал медленную панорамную съемку окружающих лиц. – Чем холоднее зима, тем опаснее перемещать людей и материалы. Температура воздуха становится совсем непредсказуемой. Скоро придет буря, и ветер здесь, наверху, многократно усилится. Мы хотим все защитить и упаковать до того, как шторм начнется в полную силу.

– Мы понимаем, – ответил Уокер. – Не беспокойтесь.

Адам глянул на Мериам с тревогой. Судя по всему, его терзали сомнения.

Отец Хьюз шумно вздохнул.

– Напомню, мистер Холцер, что мы проделали долгий путь не для того, чтобы любоваться на полиэтилен.

Мериам повернулась к камере.

– Для протокола: мы с Адамом знаем доктора Уокера и отца Корнелиуса Хьюза по их репутации, но никогда до этого не встречались лично.

Уокер улыбнулся.

– Вы считаете, люди будут думать, что мы все являемся частью какого-то заговора?

– Я не считаю, – ответила Мериам. – Я в этом абсолютно уверена. До сих пор есть люди, которые утверждают, что фильм про астронавтов на Луне был снят в павильоне.

Ким тихонько рассмеялась.

– Не похоже, что мы на Луне.

Мериам откинула в сторону полиэтиленовый полог.

– На самом деле немного похоже.

Уокер подошел поближе к открытому входу. Он услышал, как отец Корнелиус произнес его имя, но только помотал головой, словно отгоняя от уха надоедливое насекомое. Внутри черепа зародился и стал нарастать низкий гул, вибрация от которого постепенно стала передаваться костям. Ему захотелось спросить, слышат ли этот звук остальные, поинтересоваться у Мериам и Адама, дрожит ли гора и может ли это означать близкое землетрясение, но затем он почувствовал на коже мелкие бусинки пота и омерзительное покалывание – словно по его телу побежали одновременно сотни насекомых.

– Какого черта? – пробормотал он, остановившись у полиэтиленовой пленки.

– Вот именно, – ответила Мериам. – Мы тоже через это прошли.

Кожа ее была бледной с каким-то желтушным оттенком.

Отец Корнелиус взял Уокера за локоть. Лоб священника покрылся потом, но хватка осталась крепкой.

– Надо быть решительными, – сказал он.

Уокер согласился с ним. Они проделали долгий путь, чтобы взглянуть на уникальное открытие, которое команда Карги – Холцера постаралась скрыть от

общественности. «Проект Ковчег Карги – Холцера» был совместным турецко-британо-американским предприятием при поддержке музеев и спонсоров документального фильма. Но до сих пор те немногие люди в правительствах, которые видели отчет и короткое видео, снятое ПККХ, относительно «саркофага» сошлись только в одном мнении: никто не должен его обсуждать. По крайней мере, пока не станет понятно, что это такое.

«Суеверная чушь», – подумал Бен.

Впрочем, суеверен был весь мир.

– Уокер, – окликнула его Ким, – возможно, вам стоит...

Одной рукой он еще держался за полиэтилен. Покалывание на коже стало спадать, но подташнивание осталось, как и гул в черепе. Уокер оглянулся на Ким.

– Вы идете? – спросил он, удивляясь тому, что она все еще оставалась на нижней ступени лестницы, не решаясь с нее сойти.

Все-таки ООН прислала ее сюда наблюдать.

Ким кивнула.

– Тогда вперед, – сказал он и прошел через проем в полиэтилене. Отец Корнелиус немедленно последовал за ним, хотя в данную минуту его помощь Уокеру не требовалась. Мериам зашла следующей. За ее спиной мелькал огонек камеры Адама, разбавляя собой антисептический желтый свет промышленных светильников. Уокер почувствовал вибрацию зубами и догадался, что источником шума вполне могли быть генераторы.

Конечно же – это всего лишь грохот генераторов. Сразу стало легче. Спокойнее как-то.

Увидев перед собой древний деревянный ящик, стоявший у стены, Уокер нервно выдохнул. Разбитые куски битумной смолы валялись на полу вокруг ящика, словно толстые осколки черного стекла, и Уокер немедленно вспомнил

глянцевые амулеты на кожаных шнурках, свисавшие с шей трупов, над которыми трудилась профессор Маршалл. Очевидно, там тоже были осколки черной смолы. Уокер осмотрел битумную оболочку, затем пригляделся к символам, вырезанным на видимых деревянных частях гроба. Закорючки в болезненном желтом свете, казалось, смещались и текли. Снова появилось ощущение ползущих по коже насекомых – особенно на затылке, и он протер рукой рот.

Преодолев внутреннее сопротивление, он заставил себя заглянуть внутрь ящика.

На первый взгляд кадавр выглядел жалко и был похож на подделку, созданную специально для малобюджетного фильма ужасов. По крайней мере, мозг желал интерпретировать увиденное именно так – чтобы можно было воспринять эту штуку как абсурдную, но не чудовищную. Но по мере того как разум свыкался с ее существованием, становилось ясно: эти останки были чем угодно, но только не подделкой. Ему уже доводилось видеть чудовищ. «Нечеловеческий» не означает «невозможный» и не означает зло. Уокеру пришлось себе об этом напомнить.

Нечеловечески длинные пальцы были согнуты в дуги после тысяч лет, которые мертвое существо провело в ящике. Кожа над грудной клеткой, туго натянутая и приобретшая пурпурно-серый оттенок, местами полопалась от пересушенности, и плоть в этих местах провалилась внутрь. На разных участках головы просвечивали кости черепа, и одна щека рассыпалась в пыль. Засушенные глазные яблоки провалились внутрь глазниц.

Из углублений над бровями выступали рога длиной пятнадцать-восемнадцать сантиметров. Рога были бледные, пыльно-белые – цвета слоновьих бивней, стертых от возраста. Кончик одного из них был обломан и зазубрен, как расколотый камень, и оба были слегка изогнуты наружу. Череп существа был неправильной формы – верх выпуклый, а челюсть заостренная. Вероятно, в жизни это был очень странно выглядевший человек. Даже довольно уродливо.

Если это вообще был человек.

Так и не решившись подойти поближе, Ким слегка захрипела. Она стала мелко дышать, очевидно, находясь на грани панической атаки.

– Ким, если хотите, отойдите подальше, – предложил Уокер, стараясь ничем не выдать своего разочарования. Почему-то он ожидал от Ким большего профессионализма.

Она произнесла что-то по-корейски, но тут же вспомнила, что никто здесь не понимает ее язык.

– Кто-нибудь, кроме меня, это слышит? – спросила она по-английски.

Уокер усилием воли заставил себя успокоиться и не обращать внимание на покалывание кожи. Он снова посмотрел на рога кадавра в ящике, затем на длинные тонкие неровные зубы, пожелтевшие от времени, а местами даже окрасившиеся в коричневый цвет. Кем бы ни было это существо, но идентифицировать его, не спустив с горы, будет невозможно.

– О чем вы думаете? – спросил Адам.

Уокер вздохнул. Полиэтиленовая пленка подернулась волнами от порыва ветра, промчавшегося через руины ковчега. Но, несмотря на ветерок, воздух здесь был застоявшийся и душный.

– Я думаю, что вам не следовало открывать гроб вне контролируемой среды.

Мериам напряглась.

– Мы приняли все необходимые меры предосторожности. Остальные останки ковчега вообще пролежали несколько дней на открытом воздухе, пока мы сюда не прибыли. У нас не было причин опасаться...

Отец Корнелиус слегка подвинул Уокера плечом и подошел к ящику. Битум хрустнул под ботинками священника. Впервые увидев кадавра, он на несколько секунд перестал дышать. Затем пошатнулся, сунул руку в карман пиджака, вынул ее с четками, намотанными на пальцы, поцеловал их и жарко зашептал молитву, которая в устах этого человека звучала так же естественно, как дыхание.

Уокер вздохнул.

– Завязывайте, отец. Позвав вас с собой, я рассчитывал на другое. Вы все-таки ученый, а не какой-нибудь доисторический шаман.

Священник поднял палец, дав знак не мешать, и договорил последние строчки Ave Maria.

– Лучше перестраховаться, чем потом жалеть, – ответил он, закончив. – И вообще, я рад, что они вскрыли ящик на горе.

– Полагаете, существо может восстать из мертвых и учинить здесь погром? – спросил Уокер.

Пот высыхал на коже, вызывая зуд.

Он еще раз посмотрел на рога, на высохшую до пергаментного состояния кожу у их основания – в том месте, где они выступали изо лба, затем добавил:

– Вам правда кажется, что мы смотрим на...

Последнее слово осталось невысказанным, но они оба понимали, что именно хотел сказать Уокер.

– Вы считаете это невозможным? – спросил отец Корнелиус. – Я вот не уверен. Но даже если предположить, что это простое уродство, то могут быть и другие проблемы. Тело в гробнице выглядит лучше, чем другие останки. И в нем могла сохраниться куча болезней, которые мы не знаем, как лечить. Этот гроб может оказаться ящиком Пандоры. – Он внимательно посмотрел на Адама. – Только не льстите себе. Надо быть полными идиотами, чтобы вскрыть ящик, – как бы ни нахваливали вас продюсеры, которые ждали от вас эффектное кино. Но раз уж вы это сделали, то лучше здесь, чем в окружении ни в чем не повинных людей.

Мериам заговорила следующей, и заговорила сразу на камеру. Если она станет оправдываться, понял Уокер, то будет делать это только для своей аудитории, а не для присутствующих здесь людей.

– Изначально мы хотели дождаться группу доктора Уокера из Национального научного фонда и не вскрывать гробницу без них. Мы сфотографировали все

символы, выгравированные на внешнем корпусе, сняли битумную оболочку как можно более крупными кусками, чтобы сохранить на них надписи. Но при этом часть смолы, являющейся уплотнителем для крышки гроба, откололась, и...

Мериам застенчиво улыбнулась в камеру, прекрасно понимая, что аудитория будет на ее стороне, поскольку она дает зрителям то, что они от нее хотят.

– Любопытство взяло над нами верх, – призналась она, обратив наконец свою застенчивую улыбку на Уокера и отца Корнелиуса. – Мы обнесли это место полиэтиленовыми перегородками, и только избранные члены нашей команды остались внутри. Да, мы сняли крышку и взяли образцы древесины, но никто не прикасался к самому телу. Мы приняли все меры предосторожности. Скажите честно, доктор Уокер, вы удержались бы от того, чтобы его открыть? Тем более что печати уже были разрушены?

Что он мог ответить на камеру? Конечно, он бы открыл, но у него, в отличие от них, имелся многолетний опыт в этой области. Но если он ответит именно так, то будет выглядеть в глазах зрителей высокомерным заносчивым мудаком. Уокеру не было никакого дела до потенциальных зрителей этого документального фильма, но он боялся отвлечь от себя Мериам и Адама. По крайней мере, пока он рассчитывал на их сотрудничество.

– Мы все иногда увлекаемся, – сказал он в камеру. – Даже чем-то меньшим, а тут аж целый Ноев ковчег!

Казалось, все сразу затаили дыхание.

– Хотите сказать, вы верите, что это именно Ноев ковчег? – спросил Адам из-за камеры.

Блин!

– Ничего подобного! История про Ноев ковчег – это красивая легенда и источник вдохновения для производителей детских игрушек. Кто бы ни строил этот корабль, но звали его точно не Ноем.

Отец Корнелиус повернулся к Адаму.

– А теперь выключай камеру, мальчик, и обсудим наши дела.

– Но это мои дела, – хладнокровно ответил Адам и взял крупным планом лицо священника.

– Уокер... – произнесла Ким странным голосом.

Он повернулся, но она смотрела не на него. Взгляд женщины был прикован к гробу, хоть было и не очень понятно, что она могла разглядеть с расстояния в четыре с половиной метра. Ее сильно трясло, но больше всего Уокера поразило выражение отчаяния на ее лице. Это был не страх, не паника, а настоящее горе. Оно было таким глубоким, что на Ким было больно смотреть.

– В чем дело? – спросил он и шагнул к ней.

– Нет! – вскрикнула Ким и подняла руки, все еще не глядя на Уокера.

Отец Корнелиус заговорил с ней спокойным тоном, применив то, чему обучался всю жизнь – умение дарить душевное утешение страждущим. Ким корчилась на месте. Она извивалась так, словно пыталась избежать нежелательных объятий – несмотря на то, что никто ее не трогал.

– Что, черт возьми, происходит? – прошептала Мериам.

Не говоря ни слова, Адам снимал все подряд на камеру. Уокеру захотелось вырвать камеру из его рук.

– Успокойся, – говорил он, приближаясь к Ким. – Давай я уведу тебя отсюда. Понимаю, что все это очень сложно принять. Но ты увидишь – все не так, как кажется. Тебе нет необходимости здесь находиться, пока мы...

Он потянулся к ее руке, удивляясь, как ООН ухитрилась выбрать такого представителя, который «поплывет» в первый же день. Ким затрясла головой, неразборчиво забормотала отказы и попятилась назад, толкая полиэтиленовую стенку спиной.

– Уокер, погодите! – крикнул отец Корнелиус.

Гудение в черепе возобновилось в полную силу. Кишки снова стали бунтовать, и внезапно он почувствовал, что ему надоел этот цирк. Он протянул руки и схватил Ким за запястья, пытаясь выпутать ее из полиэтиленовой пленки.

Ким дико закричала и резко дернулась. Затем отшатнулась назад с бесконечным отчаянием в глазах и побежала прочь, увлекая за собой полиэтилен. Угол импровизированной ограды рухнул и потащился вслед за ней. Остальные разом закричали, когда Уокер стал срывать и отбрасывать в сторону остатки полиэтилена. Он отмахнулся от удушающей пленки как раз вовремя, чтобы увидеть убегающую в темноту Ким.

– Вот сука нервная, – пробормотала Мериам и стала поднимать упавший угол ограды.

Уокер выругался и, сорвав с пояса фонарик, побежал во тьму. Сразу за углом свет фонарика высветил такой же ряд складов или загонов для животных, подобных которым он уже видел здесь множество. Ким бросилась сквозь луч его фонаря, врезалась в стену и сорвала тяжелое одеяло, которое, видимо, повесил здесь кто-то из команды «Проекта Ковчег».

Продвигаясь дальше, Уокер оказался в длинном проходе, идущем вдоль западной стены. Он побежал по нему и через некоторое время обнаружил, что борется с холодным встречным ветром. Откуда-то спереди донеслись голоса. Он наклонился вперед, ощущая небольшой уклон разрушенной палубы ковчега, и стал обходить опорные балки, установленные здесь недавно.

– Ким! – крикнул Уокер, уже понимая, что это бесполезно и глупо. Что бы ни заставляло Ким бежать, его голос не мог ее успокоить.

Он выключил фонарик. Впереди было достаточно света от рабочих светильников. Погоня за Ким привела его обратно на то место, где он уже был не так давно – туда, где Хелен Маршалл и ее подчиненные работали над извлечением и сохранением останков трех пассажиров ковчега. Начальница британских археологов опустилась на колени над костями давно умерших людей, словно пытаясь их защитить, но остальные отступили назад.

И все они смотрели на Ким.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бар-мицва? (буквально – «сын заповеди») – термин, применяемый в иудаизме для описания достижения еврейским мальчиком или девочкой возраста религиозного совершеннолетия (прим. пер.).

2

Диббук – злой дух в ашкеназском еврейском фольклоре, являющийся душой умершего злого человека (прим. пер.).

3

Курманджи – крупнейший по числу носителей диалект курдского языка (прим. пер.).

4

Кюнефе – турецкий десерт из теста и сыра, пропитанный сиропом (прим. пер.).

5

Национальный научный фонд – агентство при правительстве США, отвечающее за развитие науки и технологий (прим. пер.).

6

DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency) – Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США, отвечающее за разработку новых технологий для использования в интересах вооруженных сил (прим. пер.).

Купить: https://telnovel.com/golden_kristofer/ararat

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)